

Казачье зарубежье

Н.Н. Тuroверов

**Горьч
задонской
попыни...**

казачье зарубежье

Николай ТУРОВЕРОВ

Горечь Задонской полыни...

Поэзия и проза

Составитель К.Н. Хохульников

Ростов-на-Дону

Некоммерческий фонд «Казачье зарубежье»

2006

Н.Н. Туроверов

Горечь задонской полыни... Поэзия, проза и публицистика. - ООО «Ростиздат», г. Ростов-на-Дону, 2006. - 416 с. с илл.

Очередное издание из серии книг библиотеки «Казачье зарубежье» -сборник стихов и поэм, прозы и публицистики «Горечь задонской полыни...» - одного из крупнейших поэтов казачьего и российского зарубежья, донского казака Н.Н. Туроверова (Франция) составленно исследователем истории казачьего зарубежья и его культурно-исторического, духовного наследия, директором Некоммерческого фонда «Казачье зарубежье» К.Н. ХОХУЛЬНИКОВЫМ (г. Ростов-на-Дону).

Большую помощь составителю в сборе стихов и поэм, произведений прозы и публицистики Н.Н. Туроверова, а также информации о его жизни и творчестве и фотографий Н.Н.Туроверова и его близких оказала И.И.ТУРОВЕРОВА (Франция), а также Г.Н. КЕЛИН(ФРГ), А.М. ТРУХАЧЁВ (Канада), К.М. АРСНИЧ (ФРГ), О.В. ДМИТРИЕВА-ПИЖЕ(Франция), М.И. ЛИФАРЬ (Франция), А.Г. ТОКАРЕВИЧ (США), А.Э. БЕРЕНДС(США) и Г.М.МОИСЕЕВ (Канада).

Ушедшим от нас - добрая память, живым - искренняя признательность!

Издание сборника Н.Н. Туроверова «Горечь задонской полыни...» осуществлено НФ «Казачье зарубежье».

ISBN 5-7509-1149-7

©Н.Н. Туроверов, 2006

© НФ «Казачье зарубежье», 2006

© К.Н. Хохульников, вступительная статья, составление, 2006

Всё отдал жизни, только лиру Свою до гроба сохранил...

Брату

Покоя нет. Не будет никогда,
В пустую даль не без следа
Уходят нам не нужные года,
Но в сердце он –
Великий Дон, –
Наш край степной,
От зноя голубой,
Давно нам неземной.

А.Н.Туроверов (Франция)

Сегодня можно достаточно уверенно говорить о том, что в конце 80-х годов начался и идет, правда, пока, к сожалению, не так активно и успешно, как хотелось бы, в частности, на Дону, процесс прихода в российскую литературу имени и богатого, разнопланового литературного наследия одного из крупнейших поэтов российского и казачьего зарубежья, публициста, собирателя и хранителя русской и казачьей старины, активного общественного деятеля казачьего зарубежья, поддесаула Лейб-Гвардии Атаманского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка, казака станицы Старочеркасской, Области Войска Донского Николая Николаевича ТУРОВЕРОВА.

В 1938 году в № 4096 газеты «Возрождение» (г.Париж) известный писатель российского зарубежья И.С. Лукаш, имевший и казачьи корни, приветствуя выход очередного сборника стихов Н.Н.Туроверова, в частности, писал о том, что он «...оставляет у читателей впечатление необыкновенной свежести, строя и силы.

Омывающая свежесть, крепость изображения, почти телесное ощущение вещей - читатель почувствует всё это в стихах Туроверова.

Николай Туроверов - потомок старой славной казачьей семьи. Он прозрачными и смелыми казацкими глазами смотрит на мир, и его степная донская душа в своеобразной мощи сочетается с ясным пушкинским чувством вселенной...

...У поэта есть своё лицо и дыхание, - своя Муза и своя поющая свирель».

«Ценность поэзии Туроверова, - писал через тридцать лет в №76 журнал «Родимый Край», печатный орган Донского Войскового Объединения во Франции, - в сочетании высокой техники с той большой романтикой, которая действительно открывалась поэту, в крови и слезах, в вихревороте гражданской войны.

В эмиграции Туроверов вырос как поэт, потому что в нём не угасло стремление к первооткрыванию мира и неизвестного в мире.

У Туроверова - свой голос и стихотворная техника, достойная большого поэта...».

Родившийся 18 марта (по ст.ст.) 1899 года на Дону, Н.Н. Туроверов был по происхождению «...казак Старого города (Старочеркаска), в котором, к моему глубокому сожалению, - писал он в 1959 году донскому казаку, профессору М.А. Миллер (ФРГ), - бывал в юности и мимоходом», но о котором помнил всю свою жизнь, -

Больше ждать и верить, и томиться,
Притворяться больше не могу.
Древняя Черкасская станица, —
Город мой на низком берегу
С каждым годом дальше и дороже...

Родившись в станице Старочеркасской, детство и отрочество будущий поэт провёл в донской станице Каменской, где его отец служил судебным следователем. Здесь, в утопающей в зелени садов окружной казачьей станице, Николай Туроверов в 1917 году окончил 7 классов Каменского реального училища.

Именно в годы учёбы, в 1916 году, в журнале «К свету», издававшемся учащимися правительственной женской гимназии и реального училища станицы Каменской, было опубликовано первое известное стихотворение Николая Туроверова «Откровения».

О продолжении учёбы, к сожалению, не могло быть и речи, - в разгаре Первая мировая война, в которую Россия, встав на защиту своих сербских братьев, вынуждена была вступить преждевременно, далеко не завершив реорганизацию, модернизацию и перевооружение своей армии. И Николай Туроверов 1 апреля 1917 года добровольцем (вольноопределяющимся) вступает в славный своими боевыми традициями Лейб-Гвардии Атаманский ЕИВ Наследника Цесаревича полк. В его составе он принимает участие в боевых действиях и 1 сентября 1917 года производится в урядники, а уже 2 сентября - откомандировывается на Дон, где с 1 октября в качестве портупей-юнкера зачисляется в Новочеркасское военное училище. Да только учёба была недолгой, до зимы, -

Той зимы семнадцатого года,
Без которой, уверяют знатоки,
Лучшего всемирного похода
Не смогли б придумать казаки.

На Дон накатывались волны разгоравшейся в России братоубийственной Гражданской войны. Н.Туроверов вместе с младшим братом Александром в числе многих других учащихся-казаков донской столицы, когда заколебались и временно дрогнули утомлённые войной отцы, встает на защиту казачьего Присуда, -

И за грехи своих отцов
Шли дети к смерти одиноко,
И впереди их Чернецов, —

вступив 12 января 1918 года в партизанский отряд есаула В.М. Чернецова. Здесь, неоднократно участвуя в боях, он 29 января производится в хорунжие, а затем - в сотники и подъесаулы.

Много лет спустя, вспоминая в Париже те трагические и героические дни, вновь и вновь переживая пламенный порыв казачьей учащейся молодёжи и, к сожалению, её многочисленные потери, Н.Н.Туроверов не без опасения задавался вопросом:

...И растёт и ждёт ли наша смена,
Чтобы вновь в февральскую пургу
Дети шли в сугробах по колено
Умирать на розовом снегу.

После трагической смерти В.М.Чернецова, распада его отряда и вынужденного оставления казаками донской столицы Н.Туроверов в составе 2-тысячного отряда под командованием Походного Атамана Всевеликого Войска Донского, Генерального Штаба генерала от кавалерии П.Х. Попова уходит в легендарный «Степной поход», -

Запомним, запомним до гроба
Жестокую юность свою,
Дымящийся гребень сугроба,

Победу и гибель в бою,
Тоску безысходного гона,
Тревоги в морозных ночах,
Да блеск тускловатый погона
На хрупких, на детских плечах.
Мы отдали всё, что имели,
Тебе, восемнадцатый год,
Твоей азиатской метели,
Степной - за Россию - поход.

А затем - характерный для немалой части будущих казаков-изгнанников путь: в конце 1918 года кратковременное пребывание в составе Атаманского полка в г. Таганроге, уход на фронт, жестокие сражения на Дону, отступление с боями на Кубань, кратковременная остановка в Новороссийске и последующая, с большими трудностями и потерями, эвакуация в Крым.

Здесь сплочённая под командованием генерал-лейтенанта барона П.Н. Врангеля Белая армия, в том числе и донские, кубанские, терские и астраханские казачьи полки и дивизии, выйдя на степные просторы Таврии, даёт свой последний и решительный бой, -

...Последних пламенных порывов
Была исполнена душа,
В железном грохоте разрывов
Вскипели воды Сиваша
И ждали все, внимая знаку,
И подан был знакомый знак...
Полк шёл в последнюю атаку,
Венчая путь своих атак...

Но, исход трагической для России Гражданской войны предreshён... В первых числах ноября 1920 года более 140 тысяч российских воинов, в том числе около 50 тысяч казаков, а также тысячи гражданских беженцев, на российских и иностранных судах, в большинстве совершенно непригодных для перевозки людей, покидали родную землю, -

Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.

Покидали в страшной тесноте, зачастую без необходимых запасов воды и продовольствия, бросив с сердечной болью на крымских пляжах и в улицах портовых городов своих верных боевых друзей - многие тысячи казачьих коней, -

...Спеши, мой конь, долиной Качи,
Свершай последний переход.
Нет, не один из нас заплачет,
Грузясь на ждущий пароход.
Когда с прощальным поцелуем
Освободим ремни подпруг
И, злым предчувствием волнуем,
Заржёт печально верный друг.

И, как оказалось, для подавляющего большинства, в том числе и для Н.Н. Туроверова, покидали родную землю навсегда!

Унёс с собой в изгнание Н.Н.Туроверов 5 полученных в боях Гражданской войны ран, ¹ Георгиевскую медаль 4-й степени, ордена Св.Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Св.Анны 3-й степени, Св.Станислава 3-й степени, Св.Владимира 3-й степени (все три - с мечами и бантом), знак «Степного похода» за №441 и значок партизанского отряда есаула В.М.Чернецова, да оставшуюся на всю долгую жизнь острую сердечную боль и рвущую душу тоску, -

...Успокойся, сердце, успокойся.
В Авиньонской католической ночи,
Русскою тоской не беспокойся,
Не стучи так громко, не стучи.

И это было непроходящее с годами, пронесённое через десятилетия острое чувство, -

И опять, в полдневной сини,
Как в минувшие века,
В горьком запахе полыни
Вековечная тоска...

Первые шесть месяцев после исхода из России (ноябрь 1920 - апрель 1921 г.) Н.Н. Туроверов в составе своего Гвардейского дивизиона находился на контролировавшемся французами греческом острове Лемнос: продуваемые холодными морскими ветрами палатки и сырые землянки, полуголодное существование, массовые болезни, растущие возле казачьих лагерей кладбища, следов от которых сегодня уже почти не осталось...

4 июня 1921 года передислокация в рядах Гвардейского дивизиона (250 человек) в Сербию, а затем в Македонию, где донские казаки вместе с сербскими солдатами собирали по местам боёв бывшего Солоникского фронта брошенные немецкими и австро-венгерскими частями оружие и боеприпасы, различное военное снаряжение и имущество. За эту нелёгкую и нередко опасную работу казаки получали паёк от военного министерства разорённого войной Королевства С.Х.С.

Через три месяца казаки Гвардейского дивизиона почти полностью были зачислены в сербскую пограничную стражу, в составе которой несли службу на венгерской границе, а затем - изнурительные лесозаготовительные работы в районе Пожареваца.

Это были очень тяжёлые годы, годы физических и духовных испытаний, но в эти же годы проявился и поэтический дар Н.Н. Туроверова, -

Мне сам Господь налил чернил
И приказал стихи писать.
Я славил всё, что сердцу мило...

В издававшихся в г.София (Болгария) газете и журнале «Казачьи Думы» одно за другим в 1922-1924 годах публикуются стихи Н.Н. Туроверова: «Вольница», «Зов», «Орда», «Последние бои», «Архипелаг», «Майдан», «Ключ», поэмы «Крым» и «Новочеркасск» (дата её написания - 6-9 июля 1922 года).

Несколько позднее, когда из печати вышел небольшой (47 стр.) сборник стихов и поэм Н.Н. Туроверова «Путь» (г. Париж, 1928 год), в октябре 1929 года в №6 «Казачьего журнала» (Франция) литературный критик Краснощёкое, особо выделяя поэму

¹ 20 января 1918 года в боях под станцией Глубокая ранен в голову, остался в строю, но на другой день, 21 января, там же ранен вторично артиллерийским осколком в левую сторону груди. В боях под Ореховым 25 марта 1919 года ранен в левую ногу. 12 августа 1920 года в конной атаке под дер. Щербаковка ранен в левую руку, но остался в строю. Вторично ранен в ту же руку в конной атаке под Чернышёвкой 2 сентября 1920 года.

«Новочеркасск», писал: «...Читал эти двадцать глав его (Н.Н.Туроверова - К.Х.) поэмы и ду мал: какая поразительная эпоха прошла на наших глазах и какая радость, что свидетелем этой эпохи был Туроверов. Хотелось бы пожелать одного, чтобы нашёлся подлинно казачий, какой-то яркий, художник-живописец и дал бы иллюстрации к этой поэме, а издатель не пожалел бы денег на соответствующее издание».

К сожалению, ни в зарубежье, ни в современной России такой «подлинно казачий... художник-живописец...» пока не нашёлся!

Позднее, в октябре 1935 года, поэма «Новочеркасск» (с датой 1925-1935 гг.) в третий раз, без изменений в тексте, была опубликована в журнале «Станица» (г. Париж).

К середине 20-х - началу 30-х годов немалое число казаков изгнанников из Сербии и Болгарии, Польши и Чехословакии постепенно, в основном, в целях трудоустройства, перемещается во Францию. К этому времени туда же на жительство переехали: последний избранный на Дону Атаман, Генерального Штаба генерал-лейтенант А.П. Богаевский, бывший председатель Донского и Южно-Российского правительств Н.М. Мельников, часть бывших членов Донского и Кубанского правительств и депутатов Донского Войскового Круга и Кубанской Краевой Рады, генералы, офицеры, общественные деятели и многие рядовые казаки различных казачьих Войск.

В эти же годы переехал во Францию, поселившись в г. Париже, а позднее живя в его предместье, и Н.Н. Туроверов, совмещавший не один год тяжёлый физический труд, как источник существования, с учёбой.

В конце 1928 года Н.Н.Туроверов поступает на работу в одно из крупнейших парижских финансовых учреждений - банк «Диас». Жизнь постепенно налаживается, становится всё более обеспеченной, но, вместе с тем, -

Отчизна, не твой ли я голос
Услышал в парижской ночи?

Много лет спустя, в начале октября 1958 года, по случаю 30-летия службы Н.Н. Туроверова в банке «Диас» состоялся организованный администрацией банка банкет и награждение Н.Н. Туроверова французской государственной наградой - медалью «За долгую и безупречную службу».

Несколько позднее Н.Н. Туроверов, проживший во Франции почти пятьдесят лет, с признательностью, но и с горечью писал:

У тебя свои, родные дети,
У тебя я тоже не один,
Приютившийся на годы эти
Чей-то чужеродный сын...
Лучшие тебе я отдал годы,
Всё тебе доверил, не тая, —
Франция, страна моей свободы —
Мачеха весёлая моя.

За эти пять десятилетий прошла большая, на начальном этапе весьма нелёгкая, жизнь, насыщенная борьбой за выживание, многочасовым, подчас просто непосильным трудом, а позднее - многими как радостными, так и горестными событиями, -

Всё иссякнет - и нежность, и злоба,
Всё забудем, что помнить должны,
И останется с нами до гроба
Только имя забытой страны.

В 20-30-е годы Н.Н. Туроверов много пишет. Его стихи и поэмы, а также статьи и очерки, регулярно публикуются в «Казачьих Думах» (Болгария) и «Станице» (Франция), в «Казачьем сполохе» (Чехословакия) и «Родимом крае» (Франция), а также в «Атаманском вестнике», «Казачьем журнале», «Казачьем быте», «Казачьем сборнике» и «Казачьем альманахе» (все - Франция), есть его публикации и в ряде парижских общероссийских изданий, в частности, в газетах «Возрождение» и «Русский инвалид», в журналах «Россия» и «Современные записки», в газете «Первопоходник» (Югославия) и в ряде других изданий.

В 1928 году в составе большой группы казаков различных казачьих Войск и общественных деятелей, священнослужителей и деятелей культуры российского зарубежья Н.Н.Туроверов участвует в составлении изданного «Казачьим Союзом» в г.Париже сборника «Казачество» (Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем Казачества).

И хотя из-под пера Н.Н. Туроверова в 20-30-е годы выходят очерки «Конец Чернецова», «Державинское послание к казакам» (Само послание Атаману и Войску Донскому), «Книжное собрание Д.И. Ознобишина в Аньере» (с иллюстрациями), «Платов и его английское изображение», «Дочь Платова», «Молодость Бакланова», «Гоголь-Репин-Запорожцы», «Казаки в изображении иностранных художников», «Конец Лермонтова» (1940 год) и другие, но главным в его творчестве остаётся поэзия.

Очередной сборник под названием «Стихи» (43 стр.) появился в 1937 году в г. Безансоне (Франция), благодаря содействию работавшего в г.Бельфоре младшего брата Александра. Но к этому времени имя и творчество Н.Н. Туроверова, благодаря многочисленным публикациям в газетах и журналах российского и казачьего зарубежья, уже достаточно хорошо известны, особенно в среде казачьего зарубежья, и не только в Европе, -

Всё скупее, вернее и проще
Нахожу для стихов я слова...

За океаном, в США, в номере газеты «Новое Русское Слово» (г.Нью-Йорк) от 26 марта 1936 года профессор В.Завалишин, в частности, писал: «...Стихотворения Николая Туроверова знают, запоминают, печатают... И всё-таки этого большого своеобразного поэта недооценили. Для меня Николай Туроверов, как поэт, так же дорог, как Дмитрий Кленовский или Иван Елагин».

11 сентября 1937 года в г.Париже собралась группа донских казаков, достаточно успешно пробовавших свои силы на литературном поприще: Д.И. Воротынский, П.В. Гусев, И.И. Данилов, Н.Н. Евсеев, В.С. Крюков, Н. Мельников и Н.Н. Туро веров. Ими было организационно оформлено и в декабре 1937 года официально зарегистрировано литературное объединение «Кружок казаков-литераторов». Старшим по «отделу прозы» был избран донской казак П.В. Гусев, редактор журнала «Станица», печатного органа Общеказачьей студенческой станицы в г. Париже, по «отделу поэзии» - Н.Н. Туроверов.

Ряды «Кружка казаков-литераторов» стабильно росли, выйдя далеко за пределы не только Франции, но и Европы. Н.Н. Туроверов, как ответственный по отделу поэзии, внимательно следил за творчеством казаков-поэтов в разных странах мира. В июле 1939 года в №31 журнала «Станица» (г.Париж) была опубликована рецензия Н.Н. Туроверова «Стихи Алексея Ачаира», в которой, в частности, отмечалось, что «...вышли в Харбине одна за другой две книжки сибирского казака Алексея Ачаира - «Тропы» и «Пальмы и солнце»... У Ачаира есть бесспорные данные для оправдания наших ожиданий: у него яркое воображение, умение наблюдать и подмечать, большой запас впечатлений, приобретённый многообразной жизнью, тонкий музыкальный слух и, повторяем, - темперамент...».

И подобных библиографических и искусствоведческих публикаций у Н.Н.

Туроверова было немало.

В январе 1939 года вышла третья книга Н.Н.Туроверова «Стихи» (44 стр.), а в апреле 1939 года в № 30 журнала «Станица» (г.Париж) прекрасный поэт, донской казак В.Смоленский по этому поводу писал: «...Стихи Н.Н.Туроверова занимают совсем особое место в современной русской поэзии. Дело здесь не только в их тематике, не только в том, что большинство из них вдохновлены Доном, его историей, бытом, ландшафтом. Главная особенность стихов Туроверова, по-моему, та, что, читая их, чувствуешь - весь путь русской поэзии после золотого Пушкинского века прошёл мимо этих стихов. Туроверов, прямой наследник Пушкина. (Я говорю, конечно, о стиле, а не о силе таланта)...».

Откликнулся на выход сборника и один из ведущих литературных критиков тех лет Глеб Струве («Россия», февраль 1939 г.): «...В казачьих стихах Туроверова чувствуется укоренённость в родной почве. У поэта дерзкая память и умение виденное чётко и образно передать...».

А много лет спустя, в 1984 году, в книге «Русская литература в изгнании» (г.Париж) Г.Струве, словно перекликаясь с оценкой В.А.Смоленского, отмечал: «Стих Туроверова скупой и точный, в духе пушкинской традиции. Частый у него четырёхстопный ямб ритмически богат. Он зорек и умеет увиденное сжато и верно изобразить. С той же чёткостью, с которой он видит и изображает родную Донскую область, умеет он передать и впечатления от чужих земель».

В 1939 году «Кружок казаков-литераторов» издал в г.Париже тиражом 700 экземпляров «Казачий Альманах». Его редакционную коллегию составили П.В. Гусев, В.С. Крюков и Н.Н. Туроверов. В альманахе вошли стихи, проза и публицистика, в том числе подборка стихов Н.Н.Туроверова и его очерк «Казачи в изображении иностранных художников».

В конце 20-х годов и на долгие последующие десятилетия Н.Н.Туроверов взял на себя заботу о сохранности чудом спасённого при исходе из России архива Лейб-Гвардии Атаманского БИВ Наследника Цесаревича полка. В 60-е годы в письме профессору М.А.Миллер (ФРГ) Н.Н.Туроверов, в частности, вспоминал: «...Лейб-казаки и атаманцы добросовестно вывезли всё из своих собраний в СПб на Дон в 1917 году. Лейб-казаки стали в Ростове, атаманцы в Таганроге и этот очаровательный город погубил наш (Атаманский) музей... Атаманцы почти ничего вывезти не успели, но в этом «почти», слава Богу, оказался полковой архив...».

В течение более пятидесяти лет Н.Н.Туроверов не только сохранял, но и, при малейшей возможности, приобретал и пополнял картинами и гравюрами, различным старинным и казачьим оружием и снаряжением, книгами и документами полковой архив, вокруг которого сгруппировались его однополчане, создав «Общество чинов Лейб-Гвардии Атаманского полка». В 1931-1938 годах оно ежегодно выпускало «Вестник Общества Атаманцев». Естественно, Н.Н. Туроверов принимал в этом самое активное участие, а полковой праздник и другие казачьи праздники отмечались, в основном, на превратившейся со временем в музей квартире Н.Н. Туроверова.

В 1937 году в № 4084 газеты «Возрождение» (г.Париж) была опубликована небольшая заметка «Книжные сокровища ген. Д.И. Ознобишина». В ней, в частности, сообщалось: «...Это библиотека-музей генерала Дмитрия Ивановича Ознобишина. Во время войны генерал Ознобишин был заместителем русского военного агента во Франции и создал редчайшую коллекцию русской книги и старины - иллюстрации к славной русской истории...».

Только в 1934 году удалось привести в порядок эти громадные ценности издания. Необходимо отметить исключительное знание и умение руководителя этого трудного дела, хранителя библиотеки Н.Н.Туроверова.

В библиотеке свыше 10 тысяч томов...».

И почти 40 лет, вплоть до своей смерти, Н.Н. Туроверов, при всей его занятости по работе, творческой деятельностью и выполнением многочисленных общественных

обязанностей, был хранителем этой огромной и во многом уникальной библиотеки русской книги XVI-XX столетий и ценнейшей коллекции русской старины, последующая судьба которой не до конца ясна.

Собрав прекрасную библиотеку, приобретя множество картин, гравюр и других произведений искусства, а также литературы и документов, в основном, о казаках и Казачестве, Н.Н. Тuroверов всегда охотно и активно участвовал в организуемых в г. Париже выставках, в частности, по тематике -«Казаки», «Суворов», «1812 год», являясь членом их организационных комитетов.

В 1936-1937 годах Н.Н. Тuroверов принимал активное участие в подготовке и проведении в г.Париже имевшей громкий резонанс во многих странах мира и по сей день считающейся одной из лучших в XIX-XX столетиях выставок о великом русском поэте - «Пушкин и его эпоха», посвятив поэту стихотворение, -

Задыхаясь, бежали к опушке.
Кто-то крикнул: «Устал, не могу!».
Опоздали мы. Раненный Пушкин
Неподвижно лежал на снегу.
Слишком поздно опять прибежали —
Никакого прощенья нам нет.
Опоздали, опять опоздали
У Дантеса отнять пистолет.

В июле 1939 года в № 31 журнала «Станица» сообщалось о подготовке к открытию 15 октября 1939 года в г.Париже выставки, посвященной 125-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова. В оргкомитет выставки в качестве секретаря входил Н.Н. Тuroверов, на которого была возложена не только справочная работа, но и «...сбор всех экспонатов». При этом организаторы выставки учитывали, что в 1941 году будет 100-летие со дня гибели М.Ю. Лермонтова.

Начавшаяся в сентябре 1939 года Вторая мировая война внесла в эти планы и намерения свои коррективы, не обойдя стороной, хотя и по разному, практически всех российских изгнанников. Подъесаул Н.Н.Тuroверов добровольцем зачисляется офицером во Французский Иностранный Легион, -

Наш Иностранный легион —
Наследник римских легионов, -

и, командуя эскадроном 1-го кавалерийского полка, -

Первый конный полк.
Конечно,
Самый лучший эскадрон,
На рысях ушедший в вечность, -

почти два года сражается в Африке, возвратившись во Францию в конце 1941 года. Под впечатлением этих военных лет родился прекрасный стихотворный цикл «Легион», -

Все равно, куда судьба не кинет,
Нам до гроба будет сниться сон:
В розоватом мареве пустыни
Под ружьём стоящий легион.

Много позже, в 1967 году, проживавший в Австралии поэт, прозаик и публицист

П.Сухотин в частном письме отмечал: «...Я нахожу его стихи о «Легионе» блестящими и далеко не уверен, что кто-нибудь ещё (француз, немец, итальянец?!) сумел оставить такую замечательную памятку об этой исключительно сильной исторической картине - которая теперь канула в Леты - «Легионеры 19-го и 20-го столетия в Африке...». Так рисовать может только подлинный художник...». В 60-е годы в письмах в Чехословакию известному поэту казачьего зарубежья, донскому казаку Н.А. Келину, Н.Н. Туроверов, в частности, писал: «...Вы спрашиваете о Легионе? Да, я был в нём добровольцем во время последней войны, - не усидел. И не жалею...», -

...Грохотали якорные цепи,
Чайки пролетали, белизной
Мне напоминающие кепи
Всадников, простившихся со мной...

- В легионе я был во время последней войны на особом положении: с конём и вестовым, - остались лучшие воспоминания об этой моей добровольщине...».

И эти «лучшие воспоминания» не покидали его многие последующие годы и десятилетия, -

Африка, неведомые тропы
Не вернут уже меня к тебе.
Стану снова пленником Европы
В общечеловеческой судьбе.

Вернувшись во Францию, Н.Н.Туроверов внимательно следил за трагическими событиями Второй мировой войны, особенно после нападения нацистской Германии на Советский Союз, и, безусловно, всей душой был на стороне своей исторической Родины и верил в её победу, -

Тебе не стра'шны голод и пожар.
Тебе всего уже пришлось отведать.
И новому ль нашествию татар
Торжествовать конечную победу?
О, сколько раз борьба была невмочь,
Когда врывались и насильники и воры, -
Ты их вела в свою глухую ночь,
В свои широкие звериные просторы.
Ты их звала, доверчивых собак,
В свои трущобы, лютая волчица.
И было так, и снова будет так,
И никогда тебе не измениться.

С этим стихотворением - «1942» - Н.Н. Туроверова словно перекликаются строки из написанных в 1941-1942 годах «Гражданских стихов», -

...И не проси пощады у возврата, -
Забывшим родину - пощады нет!
Пощады нет тому, кто для забавы
Иль мести собирается туда,
Где призрак возрождающейся славы
Потребует и крови, и труда,
Потребует любви, самозабвенья

Для родины и смерти для врага.

А в 1944 году в стихотворении «Товарищ» Н.Н. Туроверов обратился к «незнакомым российским братьям» с указанием исторических ошибок и с призывом к единству действий во имя Отчизны - Исторической и Национальной России, -

Перегорит костёр и перетлеет, —
Земле нужна холодная зола.
Уже никто напомнить не посмеет
О страшных днях бессмысленного зла.
Нет, - не мученьями, страданиями и кровью —
Утратою горчайшей из утрат:
Мы расплатились братскою любовью
С тобой, мой незнакомый брат.
С тобой, мой враг, под кличкою — товарищ,
Встречались мы, наверное, не раз.
Меня Господь спасал среди пожарищ,
Да и тебя Господь не там ли спас?
Обоих нас блюла рука Господня,
Когда, почуяв смертную тоску,
Я, весь в крови, ронял свои поводья,
А ты, в крови, склонялся на луку.
Тогда с тобой мы что-то проглядели;
Смотри, чтоб нам опять не проглядеть:
Не для того ль мы оба уцелели,
Чтоб вместе за отчизну умереть?

Жаль только, что этот страстный, шедший из глубины исстрадавшейся души призыв, в России был услышан, но, к сожалению, далеко не всеми и только почти через пятьдесят лет. Но очень хотелось бы надеяться, что слышен и ныне, и не только услышан, но и понят, и, главное, будет усвоен!

В 1942 году в оккупированном немцами г.Париже продолжавшим функционировать «Кружком казаков-литераторов» были изданы сборник стихов сибирской казачки М.В.Волковой и четвёртый сборник стихов Н.Н.Туроверова.

Закончилась Вторая мировая война. Вновь начинается налаживание нелёгкой, теперь уже послевоенной, эмигрантской жизни. И в это время, в 1945 году, в г. Париже «Кружок казаков-литераторов», многие собрания которого во второй половине 40-х годов проходили не только с активным участием Н.Н. Туроверова, но и зачастую у него на квартире, издаёт небольшой, иллюстрированный художником, донским казаком П.М. Поляковым книжкой, тиражом в 180 экземпляров, балладу Н.Н. Туроверова «Сирок».

Кроме того, «Кружок казаков-литераторов» до конца 40-х годов регулярно выпускал небольшие машинописные сборники (тетрадки) стихов своих авторов, их вышло порядка 15. Естественно, что в каждом из них - стихи Н.Н. Туроверова. Появились в этих тетрадках и стихи, подписанные «Анна Тур-кина». Но только недавно стало известно о том, что эти стихи - лукавая проделка написавшего их... Н.Н. Туроверова.

По окончании войны по инициативе группы казаков в г. Париже возобновляет свою деятельность созданный (зарегистрированный) в 1926 году «Казачий Союз», правление которого возглавляет донской казак, доктор И.С. Чекунов, ещё до войны зачисленный в почётные старики Общеказачьей студенческой станицы в г.Париже. Но, «одних уж нет», у других временем и трагическими событиями последних 30 лет подорвано здоровье, третьи, в силу различных причин, вынуждены покинуть Францию. Уходит со своего поста и И.С. Чекунов, передав в 1947 году руководство правлением «Казачьего Союза» Н.Н.

Туроверову, который возглавляет его, несмотря на большую загруженность на работе и активную литературно-художественную и публицистическую деятельность, вплоть до 1958 года.

3 марта 1946 года в г.Париже по инициативе и при активном участии Н.Н.Туроверова был учреждён «Кружок любителей русской военной старины», в руководящее бюро которого, состоявшее из 8 человек, вошёл и Н.Н. Туроверов. Следует, видимо, отметить, что в числе 83 членов «Кружка...» было 14 казаков различных казачьих Войск.

В 1947 году в г.Париже тиражом в 500 экземпляров был издан сборник №1 «Кружка...» - «Русская военная старина» (96 стр.). В состав его редакционной коллегии входил и Н.Н. Туроверов; в сборнике были помещены его стихи и три статьи: «Кое-что из суворовской старины», «Иностранцы о русской армии Екатерининской эпохи» и «Антон Антонович Кереновский».

В сентябре 1948 года возрождённый «Казачий Союз» начинает издание «Вестника «Казачьего Союза» (вышло несколько его номеров).

В октябре 1949 года редакция «Общеказачьего журнала» (США) и «Вестник «Казачьего Союза» (Франция), в связи «...с великим, многовековым Войсковым казачьим праздником - в день Покрова Пресвятой Богородицы», издали «соединённый номер» (№9). В нём, в разделе «Из казачьей истории», были опубликованы два небольших очерка Н.Н. Туроверова «Червлённый яр» и «Письмо казаков к турецкому султану», а также изложение выступления Н.Н. Туроверова 10 июня 1949 года с докладом «Пушкин и Казачество» на открытом собрании, организованном Центральным Правлением «Казачьего Союза» в г.Париже по случаю 150-летия великого русского поэта.

На этом собрании Н.Н. Туроверов прочитал свои стихи о А.С. Пушкине и продемонстрировал хранящуюся у него большую библиографическую редкость - первое издание «Пугачёвского бунта».

С октября 1950 года печатным органом Центрального Правления «Казачьего Союза» стал небольшой по объёму журнал «Казачий Союз». Со второго его номера Н.Н. Туроверов вместе с Н.Н. Евсеевым, Н.С. Мельниковым-Разведёнковым и Б.Н. Улановым входит в состав редакционной коллегии журнала; с его №16 (05.04.1953 г.) становится его ответственным редактором.

Конец 40-х - начало 50-х годов были характерны не только возрождением старых, существовавших до войны различных центров и организаций казачьего зарубежья, но и возникновением новых, стоявших зачастую на полярно противоположных идейно-политических позициях и порой весьма остро конфликтовавших между собой.

Хорошо понимая вредность, если не сказать пагубность, подобного положения, Н.Н. Туроверов в № 9 «Казачьего Союза» опубликовал большой очерк «Основные законы Всевеликого Войска Донского», приведя в нём, со своими комментариями и обстоятельными пояснениями, полный текст «Законов...» и «Декларацию Войскового Круга Всевеликого Войска Донского» от 1918 года. При этом «красной нитью» через очерк проходит совершенно обоснованное утверждение о том, что в 1918 году «...состоялось отделение Дона не от России, а от большевизма...».

Подчёркивая, что оказалось провидческим, значимость содержания «Основных законов Всевеликого Войска Донского» для будущего, и не только Казачества, Н.Н.Туроверов, завершая свой очерк, подчёркивал, что «...не только казаки всех казачьих войск, духовно, да и кровно связанных друг с другом, но и российские люди, кому дороги христианство и человечность, свобода и правда, не могут отмахнуться от этого скромного, простого казачьего законодательства и государственности.

Хотя бы уже только по тому, что за ними стоят вековые неписанные законы, по которым жило казачество сотни лет до теперешних демократий, а эти «основные» - написаны буквально на поле страшной, беспощадной брани, в эпоху, начавшуюся выстрелом Каледина и ещё не кончившуюся петлёй Краснова, ибо ещё будут и выстрелы

и петли, потому что казачество, готовое примириться со многим, никогда не примирится с рабством».

Следом, 25 ноября 1951 года, в г.Париже Н.Н. Туроверов на общем собрании казаков сделал доклад «Основные законы ВВД».

15 октября 1950 года, в бытность Н.Н. Туровой председателем Центрального Правления «Казачьего Союза», в кафедральном соборе Св. А. Невского в г.Париже состоялось освящение Иконы Покрова Пресвятой Богородицы, сооруженной «...по инициативе центрального правления «Казачьего Союза», - сообщила 25 октября 1950 года газета «Русская мысль», - на жертвенные лепты казачества всех войск... Совместно с Иконой была освящена и казачья (из Новочеркасска) земля...».

Автором Иконы была донская казачка С.Я. Чекунова, урождённая Рыжкова.

В № 3 (ноябрь-декабрь 1950 г.) «Казачий Союз» сообщил о том, что «...издательство «Наполеон», выпускающее ежемесячно сборники-труды членов Академии того же имени, очередной (январский) номер 1951 года посвящает Наполеону и казакам. Составитель Н.Н. Туроверов...».

В январе 1951 года составленный Н.Н. Туроверовым сборник «Наполеон и казаки» вышел из печати. Примечательно, что из 30 иллюстраций, вошедших в сборник, 15 были исполнены донским казаком П.М. Поляковым.

В 1951 году Н.Н. Туроверов понёс тяжёлую утрату - умерла его жена, донская казачка Юлия Александровна Туроверова, урождённая Грекова, о которой в 1939 году в № 29 журнал «Станица (г. Париж) писал: «...красивая, декоративно эффектная Ю.А. Туроверова», -

Смерть не страшна: из праха в прах,
Ты подождёшь, друг милый,
Меня в молчаньи и цветах
Супружеской могилы...

Н.Н.Туроверов остался с дочерью Натальей, которой посвятил несколько своих стихотворений.

Через десять лет, в письме профессору М.А.Миллер (ФРГ) Н.Н.Туроверов сообщал: «...Уже тридцать лет на одном и том же месте во франц. банке, благодаря чему получил хорошую квартиру, но тесно. Боже мой, как тесно для книг, гравюр, для того «хлама», который мне так дорог; вдов уже 10 лет, но дочь заменяет хозяйку».

При этом необходимо, на мой взгляд, отметить, что при большой загруженности с молодости и работой, и домашним хозяйством, и заботой об отце, Наталья Туроверова более 20 лет состояла в Национальной Организации «Витязь», была руководителем одного из отрядов, уделяя особое внимание духовному воспитанию эмигрантской молодёжи, и за это в январе 1957 года была награждена особым отличием.

В конце 1954 года Донское Войсковое Объединение во Франции организует издание «...органа общеказачьей мысли» - журнала «Родимый Край» и почти двадцать лет Н.Н.Туроверов входит в состав его редакционной коллегии, являясь также одним из постоянных авторов журнала.

Выйдя в 1964 году на пенсию, Н.Н. Туроверов, здоровье которого заметно пошатнулось («...последнее время у меня болит сердце», - писал он Н.А. Келину), отходит от активной деятельности в «Казачьем Союзе», ряды которого заметно поредели, ограничивает своё участие в работе редакционной коллегии «Родимого Края», в основном, публикацией своих стихов.

Множество их, а также статей, очерков и других материалов Н.Н.Туровой в 40 - 70-е годы появилось в различных изданиях российского и казачьего зарубежья в ряде стран Западной Европы и США, в частности, в газетах «Русская мысль» и «Казак» (обе - Франция) и «Русская жизнь» (США), в журналах «Возрождение», «Казачий Союз»,

«Часовой» и «Военная быль» (все - Франция), в «Новом журнале», «Общеказачьем журнале», «Вестнике Первопоходника», «Наши вести» (все - США) и в ряде других.

Как в 20-30-е, так и в 50-80-е годы отдельные стихи и отрывки из поэм Н.Н.Туроверова неоднократно помещались на страницы настенных (отрывных) календарей, издававшихся российским зарубежьем в ряде стран Западной Европы и в США.

А болезнь не отступает. «...Опять (в третий раз) был в госпитале: опять сердце, аорта, - какая скука! - пишет поэт Н.А. Келину. - Дочь неразлучна со мной, роюсь в своей библиотеке, архиве: чудес-то сколько на свете. Успеть бы только отразить хотя бы часть».

Одновременно Н.Н.Туроверов активно работает над подготовкой итогового сборника своих стихов и поэм и в 1965 году сборник (книга пятая) «Стихи» выходит из печати: в нём 210 страниц, 188 стихов, поэм и отрывков из них; период - 1915-1965 года. В сборник, как отмечал Н.Н. Туроверов, «...помещена часть стихов, изданных в 1928, 1937, 1939, 1942 годах и написанных после этого...».

«...Конечно, можно было бы сравнительно легко «отписаться» более или менее добросовестной рецензией. Прочертить линию развития, указать влияния и даже «учителей» (ведь сам автор подсказывает: Лермонтов, Гумилёв) и т.д. Но вот, перечитывая... видишь, что всё это было бы «не то», - писал в 1966 году, откликаясь на выход сборника «Стихи», «Новый журнал» (США) в №85. - Стихи Николая Туроверова уже давно притягивали внимание любителей поэзии, как-то минуя и т.н. «влияния» и «учителей». Притягивали непосредственно, ибо любитель поэзии чувствует и знает, что настоящая поэзия возникает вне официальной терминологии и вне выдуманной табели о рангах. В таких, сравнительно редких случаях, как отзыв о стихах Туроверова, рецензию хотелось бы оборвать дружеским советом читателю: просто обратиться к источнику, к книге и её автору...».

А в 1969 году журнал «Возрождение» (Франция), публикуя статью о жизни и творчестве Н.Н. Туроверова, в частности, подчеркнул: «...Туроверов родился поэтом и посланный ему свыше талант в землю не зарыл...».

Но творчество даётся Н.Н. Туроверову всё труднее. «...Болезнь держит меня в лапах, - пишет он в марте 1966 года Н.А. Келину... - Работы у меня очень много, хотя работник я стал неважный. Задумал серию заметок о казачестве, в которое мало верующих, а я вот, назло неверию (вполне обоснованному), верую и исповедую!», -

...То время настанет,
Когда, соберись у реки,
На новом станичном майдане
Опять зашумят казаки...
Растите, мужайте, станицы,
Старинною песней звеня,
Веди казаку, молодича,
Для новых походов коня...

А всего через месяц Н.Н. Туроверов в очередном письме к Н.А. Келину о горечью сообщает: «...Я болен. Вы знаете, от моей былой работоспособности, увы, мало что осталось, а моя переписка и громадная библиотека требуют всё больше и больше работы...».

Болезнь угнетает поэта, порождает временами пессимизм, ожидание возможного худшего, -

Смерть подходит. Не ведаю холода.
Трубный звук. Ты ведь любишь меня?
И легко, уверенно, молодо

Сажусь опять на коня.

И прирождённый донской казак Н.Н.Туроверов, -

Перед Господом не постесняюсь
Называться донским казаком, -

не сдаётся - он продолжает работать!

В конце 60-х годов в г.Нью-Йорке (США), в издательстве терского казака П.Д. Гульдиева «Казачья старина», выходит составленный Н.Н. Туроверовым сборник «Казачьи песни».

Им как до, так и после выхода из печати пятой книги «Стихи» пишутся и публикуются в различных изданиях казачьего и российского зарубежья стихи, статьи и очерки, готовятся к печати:

- «Конец Суворова» (Книга заметок о Суворове, Платове, Лермонтове и Бакланове), которая в 1963 году была издана типографским способом в количестве... 12 экземпляров;
- «Д.П.Ознобишин (1804-1877 гг.)». Собрание сочинений;
- «Суворов» (Библиографические заметки).

В конце 1970 года, в очередной раз возвратившись из госпиталя домой, Н.Н. Туроверов в письме А.Д. Трухачёвой (Канада) с заметной радостью сообщал: «...Ещё не привыкну, что я дома, -

Снова дома.
Всё знакомо.
И молитвы
И грехи.
Чёрный кофе,
Рюмка рома,
Папираса
И стихи...».

Последние годы поэт жил ими (стихами) и радостью общения, в особенности общения с большой и дружной, казачьей и по происхождению, и по духу, семьёй младшего брата Александра. «...Эти дни у меня народы, - писал он А.Д. Трухачёвой, - полковой праздник, приём всех Туроверовых - 8 душ, душа радуется!».

И эта «радость души» длилась многие десятилетия. Ещё в 1924 году, обращаясь к брату, вместе с которым они прошли и грозы Гражданской войны, и тяготы и лишения изгнания, Н.Н. Туроверов писал:

Меня с тобой метель сдружила,
Когда на подвиг, и на смерть
Нас увлекал в снега Корнилов...

У Н.Н. Туроверова было много текущей работы, было немало творческих планов, но... 23 сентября 1972 года его дочь и семья младшего брата, Александра Николаевича Туроверова, с глубоким прискорбием уведомили друзей и знакомых о том, что 23 сентября в возрасте 73 лет ушёл из жизни офицер Лейб-Гвардии Атаманского ЕИВНЦ полка и 1-го кавалерийского полка Французского Иностранного Легиона Николай Туроверов.

Похоронен Н.Н.Туроверов 28 сентября 1972 года на кладбище-пантеоне российских изгнанников Сент-Женевьев де Буа под г.Парижем, в одной могиле с женой.

К сожалению, и по сей день остаётся не исполненным написанное ещё в 1947 году в

форме небольшого стихотворения в прозе завещание Н.Н.Туроверова: «Не со сложенными на груди, а с распростёртыми руками, готовыми обнять весь мир, похороните вы меня. И не в гробу, не в тесной домовине, не в яме, вырытой среди чужих могил, а где-нибудь в степи, поближе к Дону, к моей станице, к старому Черкас-ску, на уцелевшей целине, меня в походной форме положите родного Атаманского полка...», -

Всё отдал жизни, только лиру
Свою до гроба сохранил.
Её загробный звук, быть может,
Встревожит чьи-нибудь сердца,
И у креста пастух положит
Пучок сухого чебреца.

Правда, сегодня в этом плане имеется определённая перспектива: в случае реализации благословлённого Архиепископом Ростовским и Новочеркасским Пантелеймоном проекта создания на берегу Дона в станице Старочеркасской культурно-исторического казачьего туристического комплекса «Казачий Дон», а в его рамках - центра, объединяющего храм Покрова Пресвятой Богородицы и музей казачьего зарубежья, появится и реальная возможность перезахоронения в родную землю одного из крупнейших поэтов России XX столетия, донского казака Н.Н. Туроверова!

К сожалению, не надолго пережила Н.Н. Туроверова и его единственная дочь Наталья. Но сегодня, спустя почти три десятилетия, ценный архив Лейб-Гвардии Атаманского полка и личный архив Н.Н. Туроверова, собранная им богатейшая библиотека и другие исторические и художественные ценности бережно сохраняются племянником Николаем Александровичем Туроверовым, помнящим, полагаю, о своём казачьем происхождении и гордящимся им.

В сентябре 2005 года в работе Второго Всемирного Конгресса казаков в столице Донского и Мирового Казачества г. Новочеркасске участвовал племянник Иван Александрович Ту-роверов, в многочисленных интервью с гордостью говоривший о Н.Н. Туроверове.

Сегодня уже, к сожалению, нет в живых их мамы - потомственной донской казачки Ирины Ивановны Туровой, урождённой Поповой, ставшей во Франции супругой младшего брата Н.Н. Туроверова - Александра Николаевича Туроверова. Но именно она оказала большую и бескорыстную помощь и информацией о жизни и поэтическом наследии Н.Н. Туроверова, и документами, и фотографиями, в полной мере использованными и при подготовке мною сборника «Храня бессмертники сухие...» (1998 г.), и изданного Российским фондом культуры (г. Москва) сборника «Двадцатый год - прощай, Россия!», и нынешнего сборника «Горечь задонской полыни...».

* * *

Н.Н.Туроверу не довелось вновь побывать в воспетых им родных казачьих краях, но процесс возвращения его имени и литературного наследия на всегда хранившуюся в памяти Родину, -

Но нужно ли кого ненавидеть
За то, что досталось мне
Лишь в юности родину видеть,
Скача на горячем коне, -

шел с конца 80-х годов, к счастью, как бы по трём направлениям.

В г. С.-Петербурге начало этому процессу в конце 80-х годов положил и много сделал в последующие годы сотрудник Пушкинского дома, библиофил, автор издания

«Литература русского зарубежья. Книги 1917-1940» Анатолий Дмитриевич Алексеев. После этого стихи Н.Н. Тuroверова неоднократно публиковались в различных центральных советских и российских изданиях.

В г. Ростове-на-Дону большая подборка стихов Н.Н. Тuroверова в начале 90-х годов мною была опубликована в журнале «Дон», позднее - в сборниках по материалам казачьего зарубежья: «Родине покинутой молюсь», «Прости, родная!», «Что такое Казачество?!», «Степные рыцари России!..», «Заветы старины храня...», и в ряде других изданий; его жизни и творчеству на «ДонТР» (г.Ростов-на-Дону) были посвящены радиопередача в цикле «Дон литературный» и телепередача в связи со 105-летием со дня рождения Н.Н. Тuroверова.

В г.Москве в 1995 году усилиями Российского фонда культуры, дома-музея Марины Цветаевой и издательства «Изог-рад» был издан составленный В.В. Леонидовым сборник избранных стихов Н.Н. Тuroверова «Стихи».

В 2000-м году Российским фондом культуры (президент Н.С. Михалков) в рамках Федеральной целевой программы «Развитие и сохранение культуры и искусства Российской Федерации» был издан сборник «Двадцатый год - прощай, Россия!» (составитель В.В. Леонидов), в который вошли практически все известные на тот момент стихи и поэмы Н.Н. Тuroверова и «Конец Суворова».

В предлагаемый вниманию читателей сборник Н.Н. Тuroверова «Горечь задонской полыни...» практически полностью включены сборники «Путь» (1928 г.), «Стихи» (1937 г.), «Стихи» (1939 г.), «Стихи» (1942 г.), поэма «Сирко» (1945 г.), последний прижизненный сборник «Стихи» (1965 г.), из которого опущены стихи, включённые автором в предыдущие его поэтические сборники, а также некоторые стихи, которые в последующие годы публиковались в несколько изменённой автором редакции в ряде изданий казачьего и российского зарубежья.

В сборник включены также стихи Н.Н. Тuroверова, в 20-70-е годы опубликованные в казачьих и российских изданиях во Франции и США, стихи из архивного собрания И.И. Ту-роверовой (Франция), а также небольшая подборка стихов

Н.Н. Тuroверова, полученная от А.М. Трухачёва (Канада). «Конец Суворова» публикуется по текстам в № 62 (1962 г.) «Нового журнала» (США) и № 12 (авторский экземпляр) вышедшей в 1963 году (гг.Нью-Йорк-Париж) в количестве 12 экземпляров брошюры. Очерки и статьи «Конец Чернецова», «Основные законе Всевеликого Войска Донского», «Казачество», «Понемногу обо всём», «Портрет Ермака», «Молодость Бакланова» (отрывок) и «Гоголь-Репин-Запорожцы» - по публикациям в изданиях казачьего зарубежья.

Все материалы в сборнике размещены в хронологическом порядке. Очень хочется надеяться на то, что с выходом сборника «Горечь задонской полыни...» процесс возвращения в Отечество имени и большого литературно-художественного и публицистического наследия талантливого донского казака Н.Н. Тuroверова будет ускорен и его поэзия войдёт в школьные хрестоматии и учебные программы, хотя бы, для начала, на Дону и в других традиционно казачьих краях России!

*Директор Некоммерческого фонда
«Казачье зарубежье»
К.Н. Хохульников.
г.Ростов-на-Дону,
июнь 2006 года.*

Откровения

1

Я тебя ищу повсюду неустанно,
Хотя знаю хорошо, что ты мертва,
Но в душе моей, изломанной и странной,
Твои ласки и твои слова.
В каждой женщине, в её движениях гибких
И в извивах её страстных фраз
Я ищу тебя, но нагла ложь ошибки,
И, обманутый, я плачу каждый раз.
А когда весною вечер мгlistый
Затуманит лики фонарей —
Я уверен, что здесь где-то близь ты,
И тоска моя всё глубже и сильнее.
И пусть будет это так обманно,
Как мерцанье дальнего огня, —
Я искать всё ж буду неустанно,
Хотя знаю хорошо, что нет тебя.

2

Своё счастье ломкое, капризное
Я сплетаю сам из гибкой лжи;
Ненавижу правду - счастье ризное,
Светлый дух подоблачной межи.
Нити тонкие, послушные и гибкие
Я сплетаю радостно в зло-хитростный узор,
И люблю бесстыдные улыбки я
И бесстыдный смех и лживый взор.
Правда жизни — чёрный гроб и тление,
Радость бурная откормленных червей.
Правда — ужас. Громче смех и пение!
Правда — Богу, ложь же для людей.

«К свету!» - журнал, издававшийся учащимися правительственных женской гимназии и реального училища ст. Каменской; год издания 4-й; 1916/17 учебный год, ст.Каменская, Обл. Войска Донского.

<P.S.>

Указанное стихотворение Н.Н.Туроверова (видимо, первое среди пока известных) нашёл и обнародовал впервые директор казачьей школы в г.Каменске-Шахтинском, Ростовской области, А.Н. Чеботарёв.

* * *

...Казак казаку - брат на вечные времена. Их роднит то, что превыше человеческих увлечений и страстей, - кровная верность России, великая любовь к своей родной земле, к прошлому казачества; казачья слава, гордость казачья.

У казачества не может не быть будущего и оно будет построено на том лучшем, что осталось от прошлого...

...Казачи многое видели, многому научились в чужих краях - пусть вся чужая культура пойдёт на пользу казачества, претворится в казачью культуру.

Н.Н. Туроверов.
«Казачий Альманах»,

г.Париж (Франция),
1939 год.

Маленькой Наташе
(Отрывок)

Я решил писать эти записки Твоей жизни потому, что, во-первых, Тебе, когда Ты научишься читать, будет интересно прочесть самой, а, во-вторых, Твоя жизнь началась в необычных условиях: я и Твоя мать жили за границей потому, что им нельзя было вернуться в Россию, откуда они с армией ген. Врангеля ушли в ноябре 1920 года.

Они стали эмигрантами. Не имеющими никаких средств, но всё же имеющих кусочек Родины, - полк, в котором служил я!

Полк раньше стоял в С.-Петербурге, нёс службу при Царях, в их дворцах, и назывался Лейб-Гвардии Атаманский.

Может быть, когда ты будешь большая, всё так переменится, что это название Тебе ничего не скажет - так знай ещё, что это единственный полк из русской бывшей армии Императора, который не переставал существовать за время революции и Гражданской войны ни на один день. Потому что все офицеры всегда и везде были вместе.

Даже и за границей.

Ты, пожалуй, будешь интересоваться, как Твоя мать ушла с полком из дома. Это тоже необыкновенно и даже романтично: когда оставляли Новочеркасск, я ей предложил в 15 минут собраться и ехать со мной.

Твоя мать была моя кузина и тогда невеста. Она одела доху и, ничего не взяв с собой, села в тарантас и поехала.

Это было накануне Рождества, 21 декабря (*по старому стилю - К.Х.*) 1919 г.

В России у тебя дед Николай Николаевич Туроверов и две бабки: Анна Александровна Туроверова и Лидия Петровна Грекова, и тётка сестры Твоей матери - София.

О них Ты узнаешь из писем, которые я и Твоя мать, получая так редко, храним, как драгоценности, т.к. свидание с ними и возврат на Родину вот уже 4-й год остаётся такой же Мечтой, как и в первый.

Ты узнаешь их по письмам, когда научишься читать, но может быть увидишь их раньше - они уже знают о Тебе и ждут Тебя.

Дед и обе бабки были против моей женитьбы на Твоей матери, т.к. считали нас непригодными к труду, к борьбе с жизнью, но это так думали тогда, в России, теперь думают иначе, потому что знают о нашем пути. И я хочу, чтобы Ты знала об этом пути - Ты ведь шла по нему с рождения своего вместе с нами, хотя и ничего не понимая.

Итак, слушай!

1

Ты родилась 15 июня по новому стилю (а по старому - был такой до Революции в России - 2 июня) 1921 года в городе Вело-се в Македонии. Когда вырастешь, поищи этот город на карте; он немного ниже Скопле и обозначен маленьким кружком. Город небольшой, по обе стороны быстрой и мутной реки Вардара, с узкими кривыми улицами, минаретами и пёстрым базаром.

Родилась ты в доме Американского красного креста, куда приютили Твою мать (у нас, кроме 3 одеял для продажи, денег не было).

Родилась в 12 часов ночи. Я в это время спал в грязной гостинице «Балкан» и ничего не знал.

Родилась ты крошечной, носик у тебя был почему-то в белых крапинках, как морская ракушка, и мама была этим огорчена.

Первые два дня ты даже не кричала, а всё спала.

Я продавал одеяла в местных лавках, маленьких и открытых, где купцы сидят,

поджав ноги, и пьют целый день густой, крепкий кофе...

Примечание.

К сожалению, И.И.Туровой успела прислать ксерокопию только этого отрывка и публикуемое ниже стихотворение «Кошкина сказка», возможно, одно из первых, написанных Н.Н. Туровым в зарубежье.

Кошкина сказка

Маленькой Наташе

Сказку не будет мурлыкать котёнок,
В России остался Иван Дурачок.
И горько заплакал в колыске ребёнок,
На грудь положив кулачок.
Слёзками застланы синие глазки,
Ах, ведь никто не поймёт,
Как тяжко, как скучно без кошкиной сказки
Ребёнок в колыске живёт.

*3-го августа 1921 года,
Македония.*

НИКОЛАЙ ТУРОВЕРОВЪ.

П У Т Ъ

ПАРИЖЪ

1928

* * *

1

Вокруг простор пустынный и безбрежный,
А тут шалаш, бакшевник-дед глухой,
И запах дынь, настойчивый и нежный,
И скрип кузнечика, протяжный и сухой.

Арбуз не вкусен вяло-тепловатый,
И я смотрю, прищурившись слегка,
Как медленно плывут кусками легкой ваты
В глубоком небе мимо облака.

2

Пустынно стало за гумном и голо.
Сноп в скирду сложили у плетня,
И запахом укропного рассола
Пропитан воздух солнечного дня.

Лишь воробьев, в пыли купаясь, стайка
Одна на улице. О, страдная пора!
С кадушкой огурцов хлопчет молодайка,
И слышен крик ее с соседнего двора.

3

Сижу с утра сегодня на коне,
Но лень слезать, чтоб подтянуть подпруги.
Борзой кобель, горбатый и муругий,
Рысит покорно рядом по стерне.

Я знаю, этот день, не первый и не новый,
Собой не завершит теперь в степи мой путь...
И вспомню после остро как-нибудь
И эти облака, и запах чабрецовый.

4

Закат окрасил облака
И лег в реке отсветом рыжим.
Плотва склевала червяка, -
Мой поплавок давно недвижим.

Струит в лицо степная тишь
Последний хмель благоуханий,
Гляжу на сохнувший камыш
И не мечтаю о сазане.

5

Когда-то мимо этих плёс
Шли половцы и печенег.
О, древний шлях! Дремлю в телеге
Под скрип немазанных колёс.

И снится мне всё тот же сон —
Склонясь надо мной, поют две бабы,
Напев их, медленный и слабый,
Меня томит, как долгий стон.

6

И .А.Бунину

Пушу собак. И, как дитя, заплачет
На пахоте настигнутый русак,
И вновь Устин, отцовский доезжачий,
Начнет ворчать, что я пускал не так.

— Опять, паныч, у вас расчёту мало, -
И с сердцем бросив повод на луку,
Он остриём старинного кинжала
Слегка проколет ноздри русаку.

О, мудрая охотничья наука!
Тороча зайца, слушаю слугу,
И лижет старая седеющая сука
Кровавый сгусток в розовом снегу.

7

Двух вороных могучий бег,
Полозьев шум слегка хрустящий,
Морозный день и ветер мчащий
Лицу навстречу колкий снег.

О, как родны и ветла вех,
И дым поземки мутно-синий,
И кучера на шапке мех,
И на усах пушистый иней.

8

Темнее стал за речкой ельник.
Весь в серебре синее сад,
И над селом зажжёт сочельник
Зеленый медленный закат.
Лиловым дымом дышат хаты.
Морозна праздничная тишь.
Снега, как комья чистой ваты,
Легли на грудь убогих крыш.
Ах, Русь, Московия, Россия, -
Простор безбрежно снеговой,
Какие звёзды золотые
Сейчас зажгутся над тобой?
И всё равно, какой бы жребий
Тебе ни бросили года,
Не догорит на этом небе
Волхвов приведшая звезда,
И будут знать, и будут верить,

Что в эту ночь, в мороз, в метель,
Младенец был в простой пещере
В стране за тридевять земель.
Никто другой не станет ближе,
Чем Он, скуде' дымящих хат,
Когда сухой мороз пронижет
Веселый крик твоих коляд.

Март

За облысевшими буграми
Закаты ярче и длинней,
И ниже виснут вечерами
Густые дымы куреней.
В степи туманы да бурьяны,
Последний грязный, талый снег,
И рьяно правит ветер пьяный
Коней казачьих резвый бег.
Сильней, сильней стяни подпруги,
Вскачи в седло, не зная стремян:
Скачи на выгон, за муругий,
На зиму сложенный саман.
Свищи, кричи в лихой отваге
О том, что ты донской казак,
Гони коня через овраги,
За самый дальний буерак.
Пусть в потной пене возвратится
Твой конь и станет у крыльца;
Пусть у ворот ждет молодца
С улыбкой ясной молодца.
Отдай коня. Раздольно длинный
Путь утомил. И будешь рад
Вдохнуть в сених ты запах блинный,
Повисший густо сизый чад.
Как раньше предки пили, пели,
Так пей и ты и песни пой.
Все дни на масляной неделе
Ходи с хмельною головой.
Но час придет. И вечер синий
Простелит сумрачную тень,
И в запоздалых криках минет
Последний день, прощённый день.
Сияй лампадами, божница,
В венке сухого ковыля.
Молиться будет и трудиться
Весь пост казачья земля.

Серьги

1

Где их родина? В Смирне ль, в Тавризе,
Кто их сделал, кому и когда?
Ах, никто к нам теперь не приблизит
Отлетевшие в вечность года.
Может быть, их впервые надела
Смуглолицая ханская дочь,
Ожидая супруга несмело
В свою первую брачную ночь;
Иль позор искупить, чтобы девичью
Побороть горечь жалоб и слёз,
Их влюбленный персидский царевич
Своей милой в подарок принёс.
И она, о стыде забывая,
Ослепленная блеском серёг,
Азиатского душного рая
Преступила заветный порог.
Сколько раз потом женские уши
Суждено было им проколоть,
Озаряя гаремные души,
Украшая горячую плоть;
Сколько раз госпожа на верблюде
Колыхала их в зное пустынь,
Глядя сверху на смуглые груди
Опалённых ветрами рабынь.
Но на север, когда каравану
Путь казачий разбой преградил,
Госпожу привели к атаману,
Атаман госпожи не щадил,
Надругался над ней, опорочил,
На горячий швырнув солончак,
И с серьгами к седлу приторочил,
Привязал за высокий арчак.
Или, может быть, прежде чем кинул
Свою жертву под гребень волны,
Разин пьяной рукою их вынул
Из ушей закаспийской княжны,
Чтоб потом, средь награбленной груди,
Забывая родную страну,
Засветились их изумруды
На разбойном, на вольном Дону.
Эх, приволье широких раздолий,
Голубая полынная лепь,
Разлилась, расплескалась на воле
Ковылями просторная степь.
И когда эту свадьбу справляли
Во весь буйный казачий размах,
Не они ль над узорами шали
У Маланьи сверкали в ушах,

Не казачью ли женскую долю
Разделяли покорно они,
Видя только бурьяны по полю,
Да черкасских старшин курени.
Но станичная глушь миновала,
Среди новых блистательных встреч
Отразили лучисто зеркала
Их над матовым мрамором плеч.
Промелькнули за лицами лица
И, кануном смертельных утрат,
Распростерла над ними столица
Золотой свой веселый закат.

2

Что ж мне делать, коль прошлым так пьяно
Захмелела внезапно душа,
И, в полночных огнях ресторана,
По-старинному так хороша,
Ты сидишь средь испытанных пьяниц,
Дочь далеких придонских станиц,
И пылает твой смуглый румянец
Под коричневой тенью ресниц.
Колыхаются серьги-подвески,
Расцветают в зеленом огне,
И трепещут короткие блески
В золотистом анжуйском вине.
Что на речи твои я отвечу?
Помню окрик казачьих погонь,
Вижу близко, как весело мечут
Эти камни разбойный огонь.

Новочеркасск

Меня с тобой связали узы
Моих прадедов и дедов, -
Не мне ль теперь просить у музыки
И нужных рифм, и нужных слов?
Воспоминаний кубок пенный
Среди скитаний и невзгод,
Не мне ль душою неизменной
Испить указан был черёд?
Но мыслить не могу иначе:
Ты город прошлых тихих дней,
И новый вихрь судьбы казачьей
Тебе был смерти холодней.

1

Жизнь шла размеренно, не скоро,
Не трудно, но и не легко,
И купол золотой собора

Кругом был виден далеко.
Зимой снега, разлив весною,
А летом ветер, зной и пыль,
Но не мечтал никто иною
Сменить- сегодняшнюю быть.
Служилый город и чиновный
Один порядок жизни знал,
И даже мостовой неровной
Вид никого не оскорблял.
По воскресеньям привозили
К базару уголь и каймак,
И на восток глядел средь пыли
В кольчуге бронзовый Ермак.

2

Зимою молодежь гранила
Московской улицы панель,
А летом в сад гулять ходила,
Где старой башни цитадель,
И где в киоске продавщица,
Блестя огнем задорных глаз,
Глядела, как меняет лица,
Стреляя в нос, холодный квас,
И отставные офицеры
В воспоминаньях прошлых дней
Венчали путь своей карьеры
Прогулкой чинной вдоль аллей.

3

Балы не редкостью бывали,
На них полковник и кадет,
Не уставая, танцевали,
Топча безжалостно паркет,
И иногда мелькал средь танца,
Мечтою институтских лет,
Лейб-казака иль атаманца
Мундир, пленяющий лорнет.
В театре с лихостью играли
В антрактах долгих трубачи,
И у подъезда ожидали
Извозчики и лихачи.

4

Был атаман главою края,
Слугой России и Царей,
И, облачением сияя,
Служил в соборе архиерей.
О Думе спорили дворяне
И об охоте невзначай,
Купцы о дегте и тарани,
В прохладных лавках сев за чай.
Блюли закон, моляся Богу,

Хулили злобу, блуд и месть;
Все казаки ходили в ногу
И отдавали лихо честь.

5

Учили те, кто побогаче,
Своих детей, поря за лень,
И реалист носил казачий
Лампас и с кантами чекмень.
Дул ветер зимний или жаркий —
Спал город мирно до зари;
Сквозил пролет к вокзалу арки,
Где проезжали все цари.
Черед часов был тих и плавлен,
Крепка была родная лепь, -
Давно забыли, что Булавин
Дымил пожаром эту степь.

6

Степная быль дышала сонно,
Был тверд загар казачьих лиц,
Как воды медленного Дона,
Текла простая жизнь станиц.
Весну встречали в поле, сея,
Скотину выгнав из базов;
Под Пасху ждали иерея
К лампадам темных образов;
Косили в зной, возили кони
Сноп на шумное гумно,
Желтей червонца на попоне
Лежало новое зерно;
Зимой же спали, песни пели,
Деды, хваля минувший век,
Хлебали взвар и с хлебом ели
Арбузный мед, густой нардек.

7

Не к жизни бранной и беспечной
Взывал, спокойствием маня,
Средь вишняка дымок кизечный
Над мирным кровом куреня.
Страны померкнул образ древний.
Средь электрических зарниц
Никто не отличал деревни
От вольных некогда станиц.
Покоюм грезил левады,
И стал казак с былым не схож,
Неся на чубе лоск помады,
Под рип резиновых калош.

8

Февраль принес с собой начало.

Ты знал и ждал теперь конца.
Хмельная Русь себя венчала
Без Мономахова венца.
Тебе ль стоять на Диком поле,
Когда средь вздыбленных огней
Воскресший Разин вновь на воле
Сзовет испытанных друзей?
Ты знал — с тобой одним расплата
За тишь романовского дня.
Теперь не вскочит пылкий Платов,
Тебя спасая, на коня.

9

Давно оплётанным призывом
Серели мокрые листки,
С тоской кричали и надрывом
Внизу вокзальные свистки.
В тумане сумрачно темнели
Бульваров мокрых тополя,
А партизаны шли и пели:
«Увидим стены мы Кремля».
Гудели пушки недалёко,
И за грехи своих отцов
Шли дети к смерти одиноко,
И впереди их Чернецов.

10

Кружились вихри снеговые
Над свежей глиною могил.
Знал Каледин, кого впервые
Он на кладбище проводил.
Мела метель. Покорно ждали
Неотвратимого конца,
Но эти дни зачаровали
Снегами юные сердца.
И стало тесно и немило
В глухих родительских домах,
Когда свой знак нашёл Корнилов
На партизанских рукавах.

11

Зарю казачьего рассвета
Вещал речами мудро Круг,
Цвело надеждой это лето,
И тополей кружился пух.
Несли к собору из музея
Знамёна, стяги, бунчуки
И, дикой местью пламенея,
Восстав, дрались казаки.
А там, где раньше были дачи,
Полков молодых ковалась крепь.
Блестел собор с горы иначе -

Иной теперь вставала степь.

12

И над дворцом зареял гордо,
Плеща по ветру, новый флаг;
Звучало радостно и твердо
И danke schon и guten Tag.
Открылись снова магазины,
Забыв недавнее давно,
В подвалах налили грузины
Гостям кавказское вино.
И всё собою увенчала
Герба трехвековая сень,
Где был казак нагой сначала,
Потом с стрелой в боку олень.

13

О, эти дни кровавых оргий, -
Ты для себя сам стал чужим.
Побед минутные восторги
Летели прочь, как легкий дым,
И был уверен ты заране -
Не властны в эти дни вожди,
И пламя буйное восстаний
Зальют осенние дожди.

14

Но вновь за мертвенной зимою,
В последний раз хмельна, красна,
Играла полою водою
Твоя последняя весна.
Молниеносные победы
Благословлял весенний дух,
И расцветали вновь обеды,
Молебны и речистый Круг.

15

Британцы, танки и французы.
Как дань восторгов и похвал,
Надели английские блузы
И гимназист, и генерал.
Кто не был бодр, кто не был весел,
Когда на карте за стеклом
Осваг победный шнур повесил
Между Одессой и Орлом?
И все надежды были правы —
На север мчались поезда.
Была тускла средь белой славы
Пятиконечная звезда.

16

Как был прекрасен и возвышен

Высокий строй газетных слов.
Казалось всем, что был уж слышен
Кремлевский звон колоколов.
Блестели радостные взоры;
Под громы дальних канонад,
Как порох, вспыхивали споры
Кому в Москве принять парад,
Кто устранил теперь препоны,
Когда еще повсюду мгла, -
Орел двуглавый без короны
Или корона без орла.

17

Дымила Русь, горели сёла,
Пылали скирды и стога,
И я в те дни с тоской веселой
Топтал бегущего врага,
Скача в рядах казачьей лавы,
Дыша простором диких лет.
Нас озарял забытой славы,
Казачьей славы пьяный свет,
И сердце всё запоминало, —
Легко рубил казак с плеча,
И кровь на пашке засыхала
Зловещим светом сургуча.

18

Тамбов. Орёл. Познал обмана
Ты весь чарующий расцвет,
Когда смерч древнего бурана
Сметал следы имперских лет.
И над могилою столетий
Сплелися дикою гульбой
Измена, подвиги и плети,
И честь, и слёзы, и разбой.

19

Колокола могильно пели.
В домах прощались, во дворе
Венок плели, кружась, метели
Тебе, мой город, на горе.
Теперь один снесешь ты муки
Под сень соборного креста.
Я помню, помню день разлуки,
В канун Рождения Христа,
И не забуду звон унылый
Среди снегов декабрьских вьюг
И бешеный галоп кобылы,
Меня бросающей на юг.

Крым

1

Клубятся вихри — призрачнее птицы.
Июльский день. В мажарах казаки.
Склонились по ветру будяки
На круглой крыше каменной гробницы.

Струится зной. Уходят вереницы
Далеких гор... Маячат тополя,
А казаки поют, что где-то есть поля,
И косяки кобыл, и вольные станицы.

2

По улицам бег душных, летних дней,
А в небе облака, как комья грязной ваты,
На синем шелке бухт корявые заплаты
Железных, дымных, серых кораблей.

По вечерам сторожевых огней
На взморье вещие сполохи —
Огни стремительной эпохи
Над древней скукою камней.

3

Легла на черепицу тень от минарета,
И муэдзин тоской благословил наш день.
В узорах стен дворца и розы, и сирень
Увядших цветников восточного балета.

Но будут волновать в тени сырой боскета
Чеканные стихи нас, спутница, вдвоём,
И отразит глубокий водоём
Знакомый лик любимого поэта.

4

Мы шли в сухой и пыльной мгле
По раскалённой крымской глине,
Бахчисарай, как хан в седле,
Дремал в глубокой котловине.

И в этот день в Чуфут-Кале,
Сорвав бессмертники сухие,
Я выцарапал на скале:
Двадцатый год - прощай, Россия.

Перекоп

Родному полку

1

Сильней в стременах стыли ноги,
И мерзла с поводом рука.
Всю ночь шли рысью без дороги
С душой травимого волка'.
Искрился лед отсветом блеска
Коротких вспышек батарей,
И от Днепра до Геническа
Стояло зарево огней.
Кто завтра жребий смертный вынет,
Чей будет труп в снегу лежать?
Молись, молись о дальнем сыне
Перед святой иконой, мать!

2

Нас было мало, слишком мало.
От вражьих толп темнела даль;
Но твердым блеском засверкала
Из ножен вынутая сталь.
Последних пламенных порывов
Была исполнена душа,
В железном грохоте разрывов
Вскипали воды Сиваша.
И ждали все, внимая знаку,
И подан был знакомый знак...
Полк шел в последнюю атаку,
Венчая путь своих атак.

3

Забыть ли, как на сне'гу сбитом
В последний раз рубил казак,
Как под размашистым копытом
Звенел промерзлый солончак,
И как минутная победа
Швырнула нас через окоп,
И храп коней, и крик соседа,
И кровью залитый сугроб.
Но нас ли помнила Европа,
И кто в нас верил, кто нас знал,
Когда над валом Перекопа
Орды вставал девятый вал.

4

О милом крае, о родимом
Звенела песня казака,
И гнал, и рвал над белым Крымом
Морозный ветер облака.
Спеши, мой конь, долиной Качи,
Свершай последний переход.
Нет, не один из нас заплачет,
Грузясь на ждущий пароход,
Когда с прощальным поцелуем
Освободим ремни подпруг,

И, злым предчувствием волнуем,
Заржет печально верный друг.

Отплытие

1

Уходит дымный контур Аю-Дага.
Остались позади осенние поля.
На юг идет за пеной корабля
Стальных дельфинов резвая ватага.
Вчерашних дней кровавая отвага
Теперь для нас неповторимый сон.
Даль придавил свинцовый небосклон,
Всё больше верст на циферблате лага.

2

Помню горечь соленого ветра,
Перегруженный крен корабля;
Полосою синего фетра
Исчезала в тумане земля;
Но ни криков, ни стонов, ни жалоб,
Ни протянутых к берегу рук, —
Тишина переполненных палуб
Напряглась, как натянутый лук;
Напряглась и такою осталась
Тетива наших душ навсегда.
Черной пропастью мне показалась
За бортом голубая вода,
И, прощаясь с Россией навеки,
Я постиг, я запомнил навек
Неподвижность толпы на спардеке,
Эти слёзы у дрогнувших век.

Архипелаг

1

Глядят карандашом набросанные рожи
С тугого полотна моей палатки.
Дым от костра, сиреневый и шаткий,
В закатный час задумчивей и строже.

Быть может, их чертил, в тоске с моею схожей,
Какой-нибудь француз в Алжире иль Марокко
И бросил карандаш, когда взревел сирокко
Раздольной волей вечных бездорожий.

2

Февральский день и тихий, и жемчужный

Белесо отразился в зеркале воды.
Прошли вдвоем. Чуть видные следы
Остались на песке. Шум лагеря ненужный

Лениво затихал. Ажурный контур гор
В молочной мгле суровой был и выше.
И оба вспомнили заснеженные крыши,
Лиловый дым, закат и на окне узор.

3

В полдневный час у пристани, когда
Струился зной от камня и железа,
Грузили мы баржу под взглядом сенгалеза,
И отражала нас стеклянная вода.

Мы смутно помним прошлые года,
Неся по сходням соль, в чувалах хлеб и мыло, —
В один забытый сон слилось всё, что было
И всё, что не было, быть может, никогда.

4

Прорезал облака последний резко луч.
Дохнуло море солью сыровато,
И краски расцвели внезапно и богато
На склонах смугло-желтоватых круч.

Минувшего нашел заветный ключ, -
Знаком залив, знакома эта влага:
Мне в детстве снился зной архипелага
И этот мыс на фоне сизых туч.

Стихи о Сербии

1

Не знал ни Саввы, ни Душана,
Казалось — ты глухой пустырь,
Когда плясала обезьяна,
И пел уныло поводырь.
Когда-то, где-то дрались смело,
Кого-то, кто-то угнетал...
Глядя' на бронзовое тело,
Тебя никто тогда не знал.
Да, что любили и что знали
Мы в те постыдные года,
Когда свои родные дали
Казались мрачными всегда,
И только здесь иные речи,
Иное чувство нам дано,
И стал нам дорог сыр овечий,
И это терпкое вино,

И эта тишь, и эти дымы
Твоих вечерних деревень -
Не мы ль теперь, тоской гонимы,
Благословляем мирный день;
Изведав горькую утрату,
Своей земли, теперь не мы ль
Твердим неверящему брату,
Ему неведомую быль.

2

За старой ригой поворот.
Легко идти по росным тропам
В вечерний час на огород,
Дыша гвоздикой и укропом.
О мирный труд! Шагает конь.
Чигирь скрипит. Вода струится.
Нет, дни пожаров и погонь
Теперь сплошная небылица.
И в этот час, средь синих верб,
Когда двурогий месяц встанет,
Как может верить старый серб
Словам о буре и о брани.
Мне - дальней родины позор,
Ему — его земля и травы,
И даст он молча помидор
Рукой мне грязной и шершавой.

3

Опять сентябрь в чужой стране.
Но не ишу судьбы укора,
Идя по розовой стерне
Тропой уклонной косогора.
Приюта нет — ну что ж, и пусть,
Меня влекут чужие дали, -
Вручу дорожным ветрам грусть,
Чужим полям отдам печали.
Я знаю, кто не тороплив,
Кто числит время ростом злаков,
Тому сентябрь везде счастлив
И благосклонно одинаков.
И с сердцем легким и простым,
Гляжу, весь мир благословляя,
Как над селом лиловый дым
Восходит ввысь, лениво тая.

4

Темней загар мужичьих лиц;
Трава в садах судне'й и суше,
И медью рдеют листья груши
Над пылью сельских черепиц.
И близки мне туманность вод,
От скирд протянутые тени,

И золотистых воскресений
Веселый сельский хоровод.
Здесь о Руси невнятен плач,
Народ осенним счастьем весел,
И над селом сентябрь повесил
Закатов праздничный кумач.

5

Свергались народов потопы,
И солнце тускнело в пыли,
Когда ты к преддверьям Европы
Ушел от родимой земли.
Осев у балканских подножий,
Приял обретенную твердь;
К лежащей в распластанной дрожи
Империи близилась смерть.
Но, сердцу глухому послушней,
Ты верил в свой заступ и меч, -
Не мог пренебречь равнодушной
Ты книги и мудрую речь.
И в краткое время расцвета
Не кинул насиженных нор,
И слеп от тлетворного света
Душана сверкающий двор,
И прочь, не оставив поверья,
Промчались, красуясь вотще,
На шлеме надменные перья
И знаки креста на плаще.
Когда же победно османы
Нахлынули, ширя набег,
Ты вышел встречать ятаганы,
В бараний закутавшись мех.
Под грузом блистательной Порты
Застыли недвижно века;
Но прятала нож полустертый
За пояс упорно рука.
О, сколько, упрямы и дики,
На кручах, в ущельях, полях
Вождей раздавались клики
В рожденных внезапно боях;
Но редко кто помнил на свете
Про твой вековечный окрест,
Где серп вознесённый мечети
Венчал покосившийся крест.
И пусть по кровавой дороге
Ты вышел теперь на закат, —
Ты будешь чужой и убогий
Для Запада, младший мой брат.
Народам, изведавшим смены
И яды блестящих эпох,
Понятней Версальские стены,
Чем в скалах кустарник и мох;

Но русскому сердцу дороже
В пастушьем напеве свирель;
У женщины, с нашею схожей,
В руке вековая кудель.
И весь от загара ты бурый,
Огонь высекающий в трут,
И эти овчинные шкуры,
И потом пропитанный труд.
Неси же упорней и диче
Пращуров наших завет
К порогу славянских величий
Сквозь хлябь умирающих лет.

* * *

1

А. Туровецову

Ты говоришь: «Смотри на снег,
Когда синей он станет к ночи.
Тяжёлый путь за прошлый грех
Одним длинней, другим короче;
Но всех роднят напевы вьюг,
Кто в дальних странствиях обижен.
Зимой острее взор и слух,
И Русь роднее нам и ближе».
И я смотрю... Темнеет твердь.
Меня с тобой метель сдружила,
Когда на подвиг и на смерть
Нас увлекал в снега Корнилов.
Те дни прошли. Дней новых бег
Из года в год неинтересней, -
Мы той зиме отдали смех,
Отдали молодость и песни.
Но в час глухой я выйду в ночь,
В родную снежную безбрежность —
Разлуку сможет превозмочь
Лишь познающий безнадежность.

2

Нежданной дорогой с тобою мы двое
Идем неразлучно, мой спутник и брат,
И помним мучительно время былое —
Мелькнувшее детство свое золотое
И родины страшный, кровавый закат.
Я знаю: тоской и работой остужен,
Ты числишь устало пустынные дни;
Наш путь и далек, и уныл, и окружен,
Но будет порыв наш стремительно нужен,
Когда мы увидим огни.
Услышим звенящие трубы возврата
И, близко выдавшие смерть,

Мы круто свернем на восток от заката,
И будет ничтожна былая утрата
Для вновь обретающих твердь.

Зори

1

Всё тот же Лувр и то же Тюльери,
Просторные, пустынные аллеи,
В воде бассейна медленные змеи
Весенней, догорающей зари.

И в окнах тот же рыжеватый свет —
Вечерний слиток золота и меди,
И на закат всё так же прямо едет
Со шпагою упрямый Лафайет.

2

О неземной, невероятной неге
Возвышенного бытия
Строфой классических элегий
Звенит фонтанная струя.

И сыпет золотом богато
Заката щедрая рука,
Загнув над крышею сената
Торжественные облака.

3

Прохожих редких чётков шаг.
Длиннее тени на газоне;
Ты ждешь, когда фонарь уронит
В канал серебряный зигзаг.

Как передать в простых речах
И этот вечер вешне-мглистый,
И этот блеск, сухой и чистый,
В твоих восторженных очах.

4

Весны волнующий намек
Опять уверит и обманет.
В рассветном уличном тумане
Мой путь не нов и не далек.

Давно надежд всех минул срок;
Но нужно ль сердцу биться глуше,
Грузя в вагон свиные туши,
Я вижу розовый восток.

Париж

Опять в бистро за чашкой кофе
Услышу я, в который раз,
О добровольческой Голгофе
Твой увлекательный рассказ;
Мой дорогой однополчанин,
Войною наречённый брат,
В снегах корниловской Кубани
Ты, как и все мы, выпил яд
Пленительный и неминуемый,
Напиток рухнувших эпох;
И всех земных благополучий
Стал для тебя далек порог.
Всё той же бесшабашной воле
Порывы сердца сохраняя,
Ты мнишь себя в задонском поле,
Средь пулеметного огня,
И, сквозь седую муть тумана
Увидя людные бугры,
Сталь неразлучного нагана
Рвешь на ходу из кобуры.

Что можем мы и что мы знаем?
В плену обыкновенных дней,
Упрямо грезя грозным раем
Жестокостью юности своей,
С настойчивостью очевидца
Своей страны шальной судьбы,
Мы заставляем сердце биться
Биеньем бешеным борьбы.
Что ж, может быть, в твоей отраве,
Париж, смешон теперь наш бред —
Но затереть никто не вправе
Тех дней неизгладимый след;
Пока нам дорог хмель сражений,
Походов вьюги и дожди,
Еще не знают поражений
Не победившие вожди.
Как счастлив я, когда приснится
Мне ласка нежного отца,
Моя далекая станица
У быстроводного Донца,
На гумнах новая солома,
В лугах душистые стога,
Знакомый кров родного дома,
Реки родные берега;
И слёз невольно сердце просит,
И я рыдать во сне готов,
Когда вновь слышу в спелом просе

Вечерний крик перепелов,
И вижу розовые рощи,
В пожаре дымном облака,
И эти воды, где полощет
Заря веселые шелка.

Мой милый край, в угаре брани
Тебе я вымолвил - прости;
Но и цветам воспоминаний
Не много лет дано цвести.
Какие пламенные строфы
Напомнят мне мои поля
И эту степь, где бродят дрофы
В сухом разливе ковыля;
Кто дали мгlistые раздвинет -
Унылых лет глухую сень, —
И снова горечью полыни
Дохнет в лицо горячий день:
Набат станиц, орудий гулы,
Крещение первого огня,
Когда судьба меня швырнула
От парты прямо на коня.

Нам всем один достался жребий,
Нас озарил один закат,
Не мы ль теперь в насущном хлебе
Вкусили горечь всех утрат?
Неискупимые потери
Укором совести встают,
Когда, стучась в чужие двери,
Мы просим временный приют —
Своих страданий пилигримы,
Скитальцы не своей вины.
Твои ль, Париж, закроют дымы
Лицо покинутой страны
И беспокойный дух кочевий;
Неповторимые года
Сгорят в твоём железном чреве
И навсегда, и без следа.

Ужели все мы песни спели,
И больше песен нам не петь?
И много лет еще в отеле
Из окон будем мы смотреть,
Как над ребром соседней крыши,
Дыша весной на город зря,
В апреле медленней и выше
Цветет парижская заря;
Но в городском вечернем виде,
С шестиэтажной высоты,
Привыкший взор уже не видит
Необычайной красоты.

И в жидкой мгле весенней ночи,
Из года в год, без перемен,
Нам безысходный труд пророчит
Горящий в небе Ситроен.

Как далека от нас природа,
Как жалок с нею наш союз;
Чугунным факелом свобода
Благословляет наших муз,
И, славя несветящий факел,
Земли не слыша древний зов,
Идем мы ощупью во мраке
На зовы райских голосов,
И жадно ищем вещих знаков
Несовершившихся чудес,
И ждем, когда для нас Иаков
Опустит лестницу с небес.
И мы восторженной толпою,
В горячей солнечной пыли,
Уйдем небесною тропою
От неопознанной земли.

НИКОЛАЙ ТУРОВЪРОВЪ

СТИХИ

1937

I

* * *

Ах, Боже мой, жара какая,
Какая знойная сухмень!
Собака, будто неживая,
Лежит в тени — но что за тень
В степи от маленькой кислицы?
И я, под сенью деревца,
В рубахе выцветшего ситца,
Смотрю на спящего отца.
И жаркий блеск его двустволки,
И желтой кожи патронташ,
И кровь, и перья перепелки,
Небрежно брошенной в ягдташ, —
Весь этот день, такой горячий,
И солнца нестерпимый свет
Запомню с жадностью ребячей
Своих восьми неполных лет,
Запомню, сам того не зная,
И буду помнить до конца.
О, степь от зноя голубая,
О, профиль спящего отца!

* * *

Отец свой нож неспешно вынет,
Охотничий огромный нож,
И скажет весело: «Ну, что ж,
Теперь попробуем мы дыню».
А дыня будет хороша —
Что дать отцу, бакшевник знает,
Её он долго выбирает
Среди других у шалаша.
Течет по пальцам сладкий сок,
Он для меня охот всех слаще;
Но, как охотник настоящий,
Собаке лучший дам кусок.

* * *

Д.И. Ознобишину

Четвертый день сажу в кибитке.
В степи буран. Дороги нет.
Четвертый день мне на обед
Плохого чая крошит плитки
Калмык в кобылье молоко
И кипятит с бараньим жиром.
Метель, метель над целым миром.
Как я от дома далеко!
Делю скуду зимовника
В плену задонской непогоды.

О, эти войлочные своды
И дым сырого кизяка,
Кочевий древнее жильё,
Моё случайное жилище...
Буран, как волк, по свету рыщет,
Всё ищет логово своё.
Занесена, замечена
Моя теперь снегами бричка.
Дымит очаг, поет калмычка
И в песне просит гилюна
Трубить в трубу, пугать буран —
Без корма гибнут кобылицы,
А я дремлю, и мне всё снится
Идущий в Лхассу караван
По плоскогорьям в Тибете,
Туда, где сам Далай Лама.
Там тот же ветер, снег и тьма.
Метель, метель на целом свете.

* * *

Утпола' — по-калмыцки «звезда»,
Утпола' — твоё девичье имя.
По толокам пасутся стада,
Стрепета пролетают над ними.
Ни дорог, ни деревьев, ни хат.
Далеки друг от друга улусы,
И в полынь азиатский закат
Уронил свои желтые бусы.
В жарком мареве, в розовой мгле,
Весь июнь по Задонью кочую.
У тебя на реке Куберле
Эту ночь, Утпола, заночую.
Не прогонишь меня без отца,
А отец твой уехал к соседу;
Как касается ветер лица,
Так неслышно к тебе я приеду.
Ты в кибитке своей для меня
Приготовишь из войлока ложе,
Моего расседлаешь коня,
Разнуздаешь его и стреножишь.
Не кляни мой внезапный ночлег,
Не клянись, что тебя я забуду;
Никогда неожиданный грех
Не разгневает кроткого Будду.
Утпола, ты моя Утпола' -
Золотистая россыпь созвездий...
Ничего ты понять не могла,
Что тебе я сказал при отъезде.

* * *

Какой необоримый зной

Струится с выцветшего неба,
Какой незыблемый покой
В просторах зреющего хлеба;
И как ясна моя судьба,
Как этот мир и прост, и прочен.
Волю бредут, скрипит арба;
Домой приеду только к ночи,
И будет тёмн отчий дом,
Ни ожидания, ни встречи, -
Каким невероятным сном
Покажется мне этот вечер,
Когда у ветхого крыльца,
Последние теряя силы,
Я буду тщетно звать отца,
И мне молчанием могилы
Ответит запертая дверь,
И незнакомые соседи
Услышат крик моих потерь
На пустыре моих наследий...
А завтра будет тот же день,
В родных местах чужие лица,
Всё так же будет колоситься
Вокруг желтеющий ячмень.
Вотще тебе, моя страна,
Мои скитанья и страданья!
Всё также слышно табуна
На зорях радостное ржанье,
И те же мирные стада
На водопое у колодца,
И вечерами также льется
В корыто звонкая вода.
О, как ясна моя судьба!
С концом сливается начало,
И мой корабль - моя арба -
Скрипит у верного причала.

* * *

Звенит над корками арбуза
Неугомонная пчела.
Изнемогающая Муза
Под бричкой снова прилегла,
Ища какой-нибудь прохлады
В моём степном горячем дне,
И мнёт воздушные наряды
На свежескошенной стерне.
А я сижу на солнцепёке,
К жару привыкший человек,
Гляжу, как медленно на щёки
Из синевы закрытых век
Слезу подруга дорогая
Роняет в тяжком полусне,
Иные страны вспоминая

В унылой варварской стране.
И, как дитя, протяжно дышит
Среди окованных колёс,
И ветерок легко колышет
Сухую смоль ее волос.
О, беспокойный дух скитаний!
Но что я знаю и могу?..
Когда в степи прохладней станет,
Савраса в бричку запрягу,
И снова с Музой по ухабам
Заброшенного большака,
Где только каменные бабы
Да грустный посвист байбака,
Я буду ехать, иноходца
Не торопя и не гоня...
Звезда вечерняя зажжется
И Муза милая моя,
Когда небесный путь попозже
Блеснет над нашею дугой,
Возьмет веревочные вожжи
Своею нежною рукой.

* * *

Июльский день. Овраг. Криница.
От зноя обмелевший пруд.
Стреноженная кобылица,
Звеня железом своих пут,
Бредет на жарком косогоре
В сухих колючках будяка,
И звону пут печально вторит
Ленивый посвист кулика.
О, сонный полдень летней днёвки!
И вспомню ль я иные дни,
Под грушей лёжа на поддёвке
В неосвежающей тени,
Когда зовет к глухим дремотам
Своим журчанием родник,
И остро пахнет конским потом
На солнце сохнувший потник.

* * *

Я знаю, не будет иначе,
Всему свой черед и пора.
Не вскрикнет никто, не заплачет,
Когда постучусь у двора.
Чужая на выгоне хата,
Бурьян на упавшем плетне,
Да отблеск степного заката,
Застывший в убогом окне.
И скажет негромко и сухо,
Что здесь мне нельзя ночевать
В лохмотьях босая старуха,

Меня не узнавшая мать.

II

* * *

Не выдаст моя кобылица,
Не лопнет подпруга седла.
Дымится в Задоньи, курится
Седая февральская мгла.
Встает за могилой могила,
Темнеет калмыцкая твердь,
И где-то правее — Корнилов,
В метелях идущий на смерть.
Запомним, запомним до гроба
Жестокую юность свою,
Дымящийся гребень сугроба,
Победу и гибель в бою,
Тоску безысходного гона,
Тревоги в морозных ночах,
Да блеск тускловатый погона
На хрупких, на детских плечах.
Мы отдали всё, что имели,
Тебе, восемнадцатый год,
Твоей азиатской метели
Степной — за Россию — поход.

* * *

В эту ночь мы ушли от погони,
Расседлали своих лошадей;
Я лежал на шершавой попоне
Среди спящих усталых людей.
И запомнил, и помню доныне
Наш последний российский ночлег, -
Эти звезды приморской пустыни,
Этот синий мерцающий снег.
Стерегло нас последнее горе
После снежных татарских полей -
Ледяное Понтийское море,
Ледяная душа кораблей.
Всё иссякнет - и нежность, и злоба,
Всё забудем, что помнить должны,
И останется с нами до гроба
Только имя забытой страны.

* * *

Эти дни не могут повторяться —
Юность не вернется никогда.
И туманнее, и реже снятся
Нам чудесные, жестокие года.
С каждым годом меньше очевидцев
Этих страшных, легендарных дней, -

Наше сердце приучилось биться
И спокойнее, и глуше, и ровней.
Что теперь мы можем и что смеем?
Полюбив спокойную страну,
Незаметно, медленно стареем
В европейском ласковом плену.
И растет, и ждет ли наша смена,
Чтобы вновь, в февральскую пургу,
Дети шли в сугробах по колено
Умирать на розовом снегу.
И над одинокими на свете,
С песнями идущими на смерть,
Веял тот же сумасшедший ветер,
И темнела сумрачная твердь.

* * *

Одних уж нет, а те далече, -
Недолог человеческий срок.
О, Боже, как я одинок,
Какие выпретенные речи,
Как мёртво падают слова,
Как верим трудно мы и плохо, —
Что ж, может быть, ты и права,
Для нас жестокая эпоха.
И для каких грядущих дней
Храню бессмертники сухие?
Всё меньше помним о России,
Всё реже думаем о ней;
В плену бесплодного труда
Иными стали эти люди,
А дни идут, идут года,
Разлюбим скоро и забудем
Всё то, что связано с Тобой,
Всё то, что раньше было с нами.
О, бедная людская память!
Какой архангельской трубой
Нас воскресить теперь из праха?
И мы живем, всё что-то ждём
И песни старые поём
Во имя русского размаха,
Во славу легендарных лет,
Давным-давно которых нет.

* * *

Больнее ждать, и верить, и томиться,
Притворяться больше не могу.
Древняя Черкасская станица,
Город мой на низком берегу
С каждым годом дальше и дороже...
Время примириться мне с судьбой.
Для тебя случайный я прохожий,
Для меня, наверно, ты чужой.
Ничего не помню и не знаю!

Фея положила в колыбель
Мне свирель прадедовского края
Да насущный хлеб чужих земель.
Пусть другие более счастливы,
И далекий, неизвестный брат
Видит эти степи и разливы
И поет про ветер и закат.
Будем незнакомы с ним до гроба,
И, в родном не встретившись краю,
Мы друг друга опознаем оба,
Всё равно, в аду или в раю.

* * *

Тоскую, горю и сгораю
В чужой непривольной дали,
Как будто не знал и не знаю
Родной и любимой земли.
Но нужно ль кого ненавидеть
За то, что досталось мне
Лишь в юности родину видеть,
Скача на горячем коне,
Запомнить простор да туманы,
Пожары, разбои и кровь,
И, видя ненужные страны,
Хранить неземную любовь...

* * *

Мы плохо предков своих знали.
Жизнь на Дону была глуха,
Когда прабабка в лучшей шали,
Невозмутима и строга,
Надев жемчужные подвески,
Уселась в кресло напоказ,
И зрел ее в достойном блеске
Старочеркасский богوماз.
О, как старательно и чисто
Писал он смуглое лицо,
И цареградские мониста,
И с аметистами кольцо;
И шали блеклые розаны
Под кистью ярко расцвели,
Забыв полуденные страны
Для этой северной земли.
...А ветер в поле гнал туманы,
К дождю кричали петухи,
Росли на улице бурьяны,
И лебеда, и лопухи;
Паслись на площади телята,
И к Дону шумною гурьбой
Шли босоногие ребята,
Ведя коней на водопой;
На берегу сушились сети,

Качал баркасы темный Дон,
Нес по низовью влажный ветер
Собора скудный перезвон,
Кружились по' ветру вороны,
Садясь на мокрые плетни,
Кизячный дым под перезвоны
Кадили щедро курени;
Казак, чекмень в грязи запачкав,
Гнал через лужи жеребца,
И чернобровая казачка
Глядела вслед ему с крыльца.

* * *

Они сойдутся в первый раз
На обетованной долине,
Когда трубы звенящий глас
В раю повторит крик павлиний,
Зовя всех мертвых и живых
На суд у Божьего престола,
И станут парой часовых
У врат Егорий и Никола;
И сам архангел Михаил,
Спустившись в степь, в лесные чащи,
Разрубит плен донских могил,
Подняв высоко меч горящий, -
И Ермака увидит Бог:
Разрез очей упрямо-смелый,
Носки загнутые сапог,
Шишак и панцирь заржавелый;
В тоске несбывшихся надежд,
От страшной казни безобразен,
Пройдет с своей ватагой Разин,
Не опустив пред Богом вежд;
Булавин промелькнет Кондратий,
Открыв кровавые рубцы;
За ним — заплата на заплате —
Пройдут зипунные бойцы,
Кто Русь стерег во тьме столетий,
Пока не грянула пора,
И низко их склонились дети
К ботфортам грозного Петра.
В походном синем чекмене,
Как будто только из похода,
Проедет Платов на коне
С полками памятного года;
За ним, средь кликов боевых,
Взметая пыль дороги райской,
Проскачут с множеством других —
Бакланов, Греков, Иловайский, —
Все те, кто, славу казака
Сплетя со славою имперской,
Донского гнали маштака
В отваге пламенной и дерзкой

Туда, где в грохоте войны
Мужала юная Россия, -
Степей наездники лихие,
Отцов достойные сыны;
Но вот дыханье страшных лет
Повеет в светлых рощах рая,
И Каледин, в руках сжимая
Пробивший сердце пистолет,
Пройдет средь крови и отрепий
Донских последних казаков.
И скажет Бог:

«Я создал степи
Не для того, чтоб видеть кровь». —
«Был тяжкий крест им в жизни дан, -
Заступник вымолвит Никола:
Всегда просил казачий стан
Меня молиться у Престола». —
«Они сыны моей земли! —
Воскликнет пламенный Егорий: -
Моих волков они блюли,
Мне поверяли своё горе». —
И Бог, в любви изнемогая,
Ладонью скроет влагу вежд,
И будет ветер гнуть, играя,
Тяжелый шелк Его одежд.

* * *

Минуя грозных стен Азова,
Подняв косые паруса,
В который раз смотрели снова
Вы на чужие небеса?
Который раз в открытом море,
С уключин смыв чужую кровь,
Несли вы дальше смерть и горе
В туман турецких берегов.
Но и средь вас не видел многих
Плывущий сзади атаман,
Когда меж берегов пологих
Ваш возвращался караван;
Ковры Царьграда и Дамаска
В Дону купали каюки,
На низкой пристани Черкасска
Вас ожидали старики;
Но прежде чем делить добычу,
Вы лучший камень и ковер,
Блюда прадедовский обычай,
Несли торжественно в собор,
И прибавляли вновь к оправе
Икон сверкающий алмаз,
Чтоб сохранить казачьей славе
Навеки ласку Божьих глаз.

III

* * *

Зеленой трава не может быть,
Быть не могут зори золотистей,
Первые потерянные листья
Будут долго по каналу плыть,
Будут долго воды розоветь,
С каждым мигом глубже и чудесней, —
Неужели радостные песни
Разучились слушать мы и петь?
Знаю, знаю, ты уже устал,
Знаю власть твоих воспоминаний,
Но, смотри, каких очарований
Преисполнен розовый канал!
Ах, не надо горечью утрат
Отравлять восторженные речи, -
Лишь бы дольше длился этот вечер,
Не померк сияющий закат.

* * *

Грозу мы замечаем еле;
Раскрыв удобные зонты,
В проспектах уличных ущелий
Не видим Божьей красоты,
И никому из нас не мнится
Вселявшая когда-то страх
Божественная колесница
С пророком в грозных облаках.
Ах, горожанин не услышит
Её движенье никогда,
Вотще на аспидные крыши
Летит небесная вода!
И скудный мир, глухой и тесный,
Ревниво прячет каждый дом,
И гром весенний, гром чудесный
Не слышен в шуме городском.
Но где-нибудь теперь на ниве,
Средь зеленеющих равнин,
Благословляет бурный ливень
Насквозь промокший селянин.
И чувств его в Господней славе
Словами выразить нельзя,
Когда утихший дождь оправит
Веселой радуги стезя.

* * *

Р.М.

Мне всё мнится, что видел когда-то
Я страны твоей древней пустырь, —
Неземные снега Арарата,

У снегов голубой монастырь.
Помню ветер твоих плоскогорий,
Скудных рощ невеселую сень,
Вековое покорное горе
Разорённых твоих деревень;
Помню горечь овечьего сыра,
Золотое я помню вино...
Всю историю древнего мира
Я забыл, перепутал давно.
И не всё ли равно, что там было,
И что мне до библейских эпох,
Если медленно ты подходила
К перекрестку наших дорог,
Если встреться, случайно и странно,
Знаю, завтра уйдешь уже прочь.
Не забыть твоей речи гортанной,
Твоих глаз ассирийскую ночь.

* * *

A. de K.

Вы говорили о Бретани.
Тысячелетняя тоска,
Казалось вам, понятней станет
Простому сердцу казака.
И всё изведавший на свете,
Считать родным я был готов
Непрекращающийся ветер
У финистерских берегов.
Не всё равно ль, чему поверить,
Какие страны полюбить;
Невероятные потери
На сутки радостно забыть.
И пусть ребяческой затее
Я завтра сам не буду рад, —
Для нас сегодня пламенеет
Над Сеной медленный закат,
И на густом закатном фоне
В сияющую пустоту
Крылатые стремятся кони
На императорском мосту.

* * *

Что мне столетия глухие,
Сюда пришедшему на час, -
О баснословной Византии
Руин лирический рассказ.
Мне всё равно какая смена
Эпох оставила свой прах
Средь этих стен и запах тлена
В полуразрушенных церквах.

Запомню только скрип уключин,
Баркас с библейскою кормой,
Да гор шафрановые кручи
Над синей охридской водой.

* * *

Слились в одну мои все зимы,
Мои оснеженные дни.
Застыли розовые дымы,
Легли сугробы за плетни,
И вечер, как мужик в овине,
Бредет в синеющих полях,
Развешивая хрупкий иней
На придорожных тополях.
В раю моих воспоминаний,
В моем мучительном раю,
Ковровые уносят сани
Меня на родину мою.
Легка далекая дорога,
Моих коней неслышен бег,
И в каждой хате, ради Бога,
Готов мне ужин и ночлег.
А утром в льдистое оконце,
Рисуя розы по стеклу,
Глядит малиновое солнце
Сквозь замороженную мглу;
Я помню улицы глухие,
Одноэтажные дома...
Ах, только с именем «Россия»
Понятно слово мне «зима»!
Саней веселые раскаты,
И женский визг, и дружный смех,
И бледно-желтые закаты,
И голубой вечерний снег.

* * *

Наташе Т.

Выходи со мной на воздух,
За сугробы у ворот.
В золотых дрожащих звёздах
Темно-синий небосвод.
Мы с тобой увидим чудо:
Через снежные поля
Проезжают на верблюдах
Три заморских короля;
Все они в одеждах ярких,
На расшитых чепраках,
Драгоценные подарки
Держат в бережных руках.
Мы тайком пойдем за ними
По верблюжьему следу,

В голубом морозном дыме
На хвостатую звезду;
И с тобой увидим после
Этот маленький вертеп,
Где стоит у яслей ослик,
И лежит на ка'мнях хлеб.
Мы увидим Матерь Божью,
Доброту Её чела, -
По степям, по бездорожью
К нам с Иосифом пришла;
И сюда, в снега глухие,
Из полуденной земли,
К замороженной России
Приезжают короли
Преклонить свои колени
Там, где благостно светя,
На донском душистом сене
Спит чудесное Дитя.

* * *

Флагами город украшен
В память победной войны.
Старая дружба, без нашей
Сразу забытой страны.
Да и нужна ли награда
Людям, распятым судьбой?
Выйду на праздник парада
Вместе с парижской толпой.
Увижу, как ветер полощет
Флаги в срывах дождя,
Круглую людную площадь,
Пеструю свиту вождя.
Запомню неяркое пламя
В просвете громадных ворот, —
Всё, что оставил на память
Здесь восемнадцатый год.

* * *

Задыхаясь, бежали к опушке,
Кто-то крикнул: устал, не могу!
Опоздали мы — раненный Пушкин
Неподвижно лежал на снегу.
Слишком поздно опять прибежали,
Никакого прощенья нам нет, -
Опоздали, опять опоздали
У Дантеса отнять пистолет.
Снова так же стояла карета,
Снова был ни к чему наш рассказ,
И с кровавого снега поэта
Поднимал побледневший Данзас.
А потом эти сутки мученья,
На рассвете несдержанный стон,

Ужасающий крик обреченья,
И жены летаргический сон.
Отлетела душа, улетела,
Разрешился последний вопрос.
Выносили друзья его тело
На родной петербургский мороз,
И при выносе мы на колени
Становилися прямо в сугроб;
И Тургенев, один лишь Тургенев
Проводил самый близкий нам гроб,
И не десять, не двадцать, не тридцать, -
Может быть, уже тысячу раз
Снился мне и еще будет сниться
Этот чей-то неточный рассказ.

Н.ТУРОВЪРОВЪ

СТИХИ

1939

КРУЖОК
КАЗАКОВ
ИНТЕРПОРОВ

* * *

*Поедем, корчмарка,
к нам на тихий Дон.*

Ах, не целуй меня ты снова,
Опять своей не называй, -
От моего родного крова
Не уводи, не отрывай.
Тебе мой двор уныл и тесен,
Но, Боже мой, как страшно мне
Поверить зову этих песен,
С тобой уехать на коне.
Бери любовь мою в подарок,
Как брал ее ты у других
Тобой загубленных корчмарок
Среди ночлегов кочевых.
Тебя потом я вспомню с плачем,
Слезой горючей изойду,
Но за твоей судьбой казачьей
Я не пойду, я не пойду.

* * *

На солнце, в мартовских садах,
Еще сырых и обнажённых,
Сидят на постланных коврах
Принарядившиеся жёны.
Ах, как недолог бабий век,
Девичий век того короче, -
Парчовый бабкин кубелек
На внучке нов еще и прочен.
Последний лед в реке идет,
И солнце греет плечи жарко;
Старшинским жёнам мед несет
Ясырка — пленная татарка.
Весь город ждет, и жёны ждут,
Когда с раската грянет пушка,
Но в ожиданьи там и тут
Гуляет пенистая кружка.
А старики все у реки
Глядят толпой на половодье —
Из-под Азова казаки
С добычей приплывут сегодня.
Моя река, мой край родной,
Моих прабабок эта сказка,
И этот ветер голубой
Средневекового Черкаска.

* * *

Ворожила ты мне, колдовала,
Прижимала ладонью висок,
И увидел я воды Каяла,
Кагальницкий горячий песок.
Неутешная плакала чайка,
Одиноко кружась над водой, -

Ах, не чайка - в слезах молодайка, -
Не вернулся казак молодой;
Не казачка — сама Ярославна
Это плачет по князю в тоске, —
Всё равно, что давно, что недавно,
Никого нет на этом песке.

* * *

Звонит, как встарь, над Манычем осока,
В степях Хопра свистит седой ковыль,
И поднимает густо и высоко
Горячий ветер розовую пыль.
Нет никого теперь в моей пустыне,
Нет, никого уже мне не догнать;
Казачьи кости в голубой полыни
Не в силах я, увидя, опознать.
Ни встреч, ни ожидающих казачек;
Который день - станицы ни одной.
Ах, как тоскливо этот чибис плачет
И всё летит, кружась, надо мной.
Спешит, спешит мой конь, изнемогая,
Моя судьба, как серна, в тороках, -
Последняя дорога, роковая,
Неезженный тысячелетний шлях.

* * *

П.Н. Краснову

Не дано никакого мне срока,
Вообще, ничего не дано,
Порыжела от зноя толока,
Одиноко я еду давно;
Здравствуй, горькая радость возврата,
Возвращенная мне, наконец,
Эта степь, эта дикая мята,
Задурманивший сердце чабрец, -
Здравствуй, грусть опоздавших наследий,
Недалекий, последний мой стан,
На закатной тускнеющей меди
Одинокий, высокий курган!

* * *

Уехал, уехал, уехал, —
Остаться с тобой не хотел,
Жалмерка — казачья утеха,
С лицом побелевшим, как мел.
Пришло твое страшное время -
Бежала в глубоком снегу,
Держась за холодное стремя,
Целуя его на бегу.
Качнулась станичная площадь
В твоих потемневших глазах, —
Рванулась знакомая лошадь,
Исчезла в вечерних снегах.

Намокнет слезами подушка,
Постель холодна, холодна.
Игрушка, казачья игрушка, —
Жалмерка — чужая жена.

* * *

Ю.Т.

Что за глупая затея
Доверяться ворожке,
Что расскажет ворожея
Обо мне и о тебе?
Что она еще предскажет,
Если вдруг — как мы вдвоем -
Дама пик случайно ляжет
Рядом с этим королем;
Иль во тьме кофейной гущи
Распознаешь ты меня
В день последний, в день грядущий,
В пекле адского огня.
Плакать рано, но поплачь-ка
Ты над этой ворожкой,
Моя милая казачка,
Черноокий ангел мой.

* * *

Опять над синью этих вод,
Таких прозрачных и студеньих,
Порхает листьев хоровод,
Совсем по-летнему зеленых.
Еще не осень, но злодей —
Восточный ветер — рвет все листья,
И зори стали холодней,
И продолжительней, и мгlistей.
А в полдень солнце горячо;
Взлетают грузно перепелки,
И отдает слегка в плечо
Чудесный бой моей двустволки.
Еще не осень, но уже
В дыму лежит моя станица,
И, возвращаясь по меже,
Теперь мне надо торопиться.
И птицы больше не поют
Над опустевшими полями,
И по-осеннему уют
Царит в столовой вечерами.
Опять пора моя, опять —
Удел блаженный и жестокий —
Косноязычно повторять
Мне музой сказанные строки.

* * *

Над весенней водой, над затонами,
Над простором казачьей земли,

Точно войско Донское - колоннами
Пролетали вчера журавли.
Пролетая, печально курлыкали,
Был далек их подоблачный шлях.
Горемыками горе размыкали
Казачи в чужедальних краях.

* * *

В огне всё было и в дыму —
Мы уходили от погони.
Увы, не в пушкинском Крыму
Тогда скакали наши кони.
В дыму войны был этот край,
Спешил наш полк долиной Качи,
И покидал Бахчисарай
Последний мой разъезд казачий.
На юг, на юг. Всему конец.
В незабываемом волнении,
Я посетил тогда дворец
В его печальном запустенье.
И увидел я ветхий зал —
Мерцала тускло позолота, -
С трудом стихи я вспоминал,
В пустом дворце искал кого-то;
Нетерпеливо вестовой
Водил коней вокруг гарема, -
Когда и где мне голос твой
Опять почудится, Зарема?
Прощай, фонтан холодных слёз, -
Мне сердце жгла слеза иная —
И роз тебе я не принес,
Тебя навеки покидая.

* * *

И.И.Д.

Опять, опять на Елисейских
Полях стоишь ты одинок.
Течет в охране полицейских
Машин стремительный поток,
Течет, бензиным ветром вея.
На взгорье арка - и в пролет
Сквозит, торжественно синяя,
Великолепный небосвод —
Триумф чужих великолепий -
Наполеоновский полет,
А где-то там родные степи,
Кубань течет, казак поет,
Казачка внемлет его песне, -
И вот, на зло небытию,
С тем казаком поешь ты вместе,
Поешь про родину свою.
И по полям в закатном блеске,
Пугая всех, как некий черт,
Идешь в малиновой черкеске

По направлению Конкорд.

Сон

Моему брату

1

Опять всё тоже сновиденье,
Давным-давно знакомый сон —
Волнующее возвращенье
На незнакомый почти Дон.
О, власть моих воспоминаний,
О, эти, будто наяву,
Летающие стрелою сани
В божественную синеву
Снегов родных, снегов без края,
И ветер, режущий лицо,
И этот крик, когда, взбегая
На невысокое крыльцо,
В дверях родного дома встречу
Отца и плачущую мать.
Ах, Боже мой, что я отвечу,
Что я смогу им рассказать!

2

Утихнет первое волненье
Моей неистовой души,
И музы сдержанное пенье
Раздастся в варварской глуши
Страны, знакомой ей впервые,
Но где я в детстве пережил
Уже с ней встречи роковые
У запорошенных перил
Беседки над замерзшим садом.
Как много лет назад, она
Опять со мною будет рядом
Стихами бредить у окна.
Нам отчий дом не будет тесен,
Чудесен лад нежданных строк, -
Тебе, мой край, из новых песен
Сплету нетленный я венок.

3

Искать я буду терпеливо
Следы казачьей старины:
В пыли станичного архива,
В курганах древней целины,
В камнях черкасского раската,
На приазовских островах,
В клинке старинного булата,
В могильных знаках и словах,

И ляжет путь моих раскопок,
Когда исполнится пора,
От Волги вплоть до Перекопа,
И от Азова до Хопра.
Никем неписанных историй
Найду потерянную нить, —
Пожить бы только на просторе,
Подольше только бы пожить!

4

Но страшный призрак катастрофы
Уже стучится у дверей, -
Опять знакомый путь Голгофы
Далекой юности моей:
Во тьме ползущие обозы,
Прощанье ночью у крыльца,
И слёзы, сдержанные слёзы
Всегда веселого отца;
Опять разлука, и погони,
И чьи-то трупы на снегу,
И эти загнанные кони
На обреченном берегу;
Я снова скроюсь в буераки,
В какой-нибудь бирючий кут,
И там меня в неравной драке
Опять мучительно убьют.

* * *

Свою судьбу я искушал -
В те дни всего казалось мало, -
Я видел смерть и с ней играл,
И смерть сама со мной играла.
Была та дивная пора
Неповторимым искушеньем,
И наша страшная игра
Велась с жестоким упоеньем.
Всепожигающий огонь
Испепелил любовь и жалость;
Сменялся бой, менялся конь,
Одна игра лишь не менялась.
Но был таинствен мой удел
Певца исчезнувшего края,
И я чудесно уцелел
В руинах рухнувшего рая, -
И вот, тяжелый жребий свой,
У смерти отнятую лиру,
Влачу усталой рукой
По непонятному мне миру.

* * *

«Закат над нами распростёр...», -
Ах, как фальшив твой стиль высокий.
Как трудно развести костер

Из полувывсохшей осоки.
Сидим вдвоем на берегу,
У ног текут донские струи, —
Я больше верить не могу
В твои слова и поцелуи.
Кладу в горячую золу
На ужин нам с тобой картошку,
А ты твердишь, что на балу
Все оценили твою ножку;
Пылала на твоём плече
Неувядающая роза,
И мчал тебя на лихаче
Известный всем богач Морозов.
Но я не помню ничего,
Не верю твоему кокетству.
Не знаю даже, от кого
Ты мне досталась по наследству.
Легко покинешь ты меня,
Как до меня других бросала, -
Я знаю, этого огня
Тебе покажется так мало,
И этот варварский пейзаж
Тебе, наверное, наскучит —
Уже нашла ты рифму: паж,
Считая эту рифму лучшей.
Ах, уходи в свои края
Моя чудесная обуза, -
Любовь последняя моя,
Меня покинувшая муза.

II

* * *

Франции

Жизнь не начинается сначала,
Так не надо зря чего-то ждать;
Ты меня с улыбкой не встречала
И в слезах не будешь провожать.
У тебя свои, родные, дети,
У тебя я тоже не один,
Приютившийся на годы эти,
Чей-то чужеродный сын.
Кончилась давно моя дорога,
Кончилась во сне и наяву, -
Долго жил у твоего порога,
И еще, наверно, поживу.
Лучшие тебе я отдал годы,
Всё тебе доверил, не тая, -
Франция, страна моей свободы -
Мачеха веселая моя.

* * *

Е. де Ж.

И вот, опустится последний мрак,
И сердце перестанет биться.
Спокойствие, спокойствие, - но как
Спокойствием мне этим заразиться,
Когда неизлечимо заражён,
Еще отравлен бешеною кровью,
Когда люблю еще вино и жён
Веселой полнокровною любовью.
Куда бежать мне от своих страстей ?
О стену чью мне головою биться?
Иль до последних, недалеких дней
Не измениться, не уgomониться.

* * *

Только дым воспоминаний,
Или все уже, как дым,
И никто из нас не станет
Тем, чем был он молодым?
И не будет больше лестниц
Потаённых и дверей,
Ожидающих прелестниц
Первой юности твоей;
И превыше всех над ними
Незакатная звезда,
Чье потом запомнишь имя
Навсегда ты, навсегда;
Пить вино не будешь с другом
За беседой у огня,
Не сожмет твоя подпруга
Непокорного коня,
Безрассудчно и смело
Ты не схватишься за меч,
А стареющее тело
Будешь бережно беречь,
Ничему уже не веря
В мире страшном и пустом, -
Постучится в твои двери
Смерть тогда своим крылом.

* * *

Едва я жизнь узнал сполна,
Как ты уже ушел от жизни, -
Но злая воля не дана
Потусторонней укоризне.
И вот, средь пылкой суеты
Моих беспутных увлечений,
Со мною рядом будешь ты
С загробным холодом сомнений.
Пройдет ли год иль десять лет, —
Всё та же будет дружба наша,
Всё тот же мой тебе привет,
Вином наполненная чаша.

* * *

Откуда этот непонятный страх
В твоих прекрасно сделанных стихах,
И эта вечная трагическая твердь,
И, вечно с ней рифмуемая, смерть,
И этих ангелов испуганный полет,
И это сердце холодное, как лед? —
Иль не пришла еще твоя пора
И продолжается унылая игра.

* * *

«В скитаньях весел будь и волен,
Терпи и жди грядущих встреч, —
Тот не со мной, кто духом болен,
Тому не встать, кто хочет лечь.
Простор морей, деревья пуши
И зреющий на ниве злак
Откроют бодрым и идущим
Благословляющий Мой знак.
В лицо пусть веет ветер встречный, —
Иди — и помни: Я велел», -
Так говорил Господь, и Млечный
На темном небе путь блестел.

* * *

Опять весенний ветер,
И яблони в цвету,
Опять я не заметил,
Что лишний час иду,
Кружу в знакомом поле,
Не попаду домой, -
Опять я пьян от воли,
От дали голубой;
К чему воспоминанья
Черед минувших дней —
Скитанья и страданья
Всей юности моей,
Ненужные сомненья,
Мученья без конца?
В душе весна, да пенье
Веселого скворца.

* * *

Т.Н.М.

Коснулась ты заветных струн
Моей давно молчавшей лиры;
Забыл я птицу Гамаюн,
Казалось, нежные зефиры
И вдохновений легкий рой
Уже не властны надо мной.
Но ты вошла под сельский кров
Ко мне неслышными шагами, -
На милый зов твоих стихов
Ответить должен я стихами,

Подняв в своей глуши стакан
Во имя пушкинских Татьян.
Есть для всего какой-то срок,
Но не подвластны нам все сроки,
И вот, у музы взяв венки,
Я рву его на эти строки,
На запоздалый мой привет,
На мой взволнованный ответ.

* * *

Кончалось веселое лето
В дожде опадающих звёзд.
Всё лето ждала ты ответа,
Ответ мой был ясен и прост -
Навеки, навеки, до гроба,
С шестнадцати лет — навсегда.
Не знали, не ведали оба
В какие уходим года;
Еще ничего мы не знали
В счастливых бессонных ночах.
О, как высоко мы взлетали
С тобой на гигантских шагах.

* * *

Осыпается сад золотой,
Затуманился сад голубой,
За окном твоим черную ель
Замела золотая метель.
Ты всё смотришь на листьев полет,
Ты всё веришь, что сын твой придет,
Возвратится из странствий, - и вот
У твоих постучится ворот.
Ты до вечера ждешь у окна,
На дорогу выходишь одна,
Желтых листьев метель над тобой —
Недалек твой последний покой.

* * *

В саду над этой урной,
Над кущей этих роз,
Пронесся дождик бурный
Потоком женских слёз;
Шумел внезапный ветер
Березой у окна,
Теперь на целом свете
Осталась я одна.
Кукушечка-подружка,
Одна я навсегда,
Кукуй, моя кукушка,
Считай мои года.

* * *

Вечер был мутнее дыма,
Ветер снежен, путь далек,

И простого пилигрима
Приютить велел пророк.
Я вошел в твое жилище,
Обогрелся у огня;
Принесла к огню ты пищу,
Не взглянула на меня.
Знаю, я тебе не пара,
Твой отец богатый бей,
От Валоны до Скадара
Равных нет ему людей.
У бродяги-иноверца
Нет на свете ничего,
Только сердце, только сердце
Однолетки твоего.
Завтра я уеду рано,
Не проснется твой отец.
Ты услышишь каравана
Невеселый бубенец.

* * *

Р.М.

Просить, просить и получать отказ,
Просить у каждого прохожего полушку
И в тысячный, быть может, раз
Протягивать пустую кружку.
Не всё равно ли - зрячий иль слепец,
Молящий тихо, громко ли просящий;
Не всё равно ли - кто он, наконец,
У подворотни с кружкою стоящий,
Напрасно ожидающий чудес.
О, твой романс, старательно забытый:
Мадридский нищий, щедрость Долорес,
И поцелуй красавицы Пепиты.

* * *

Ты с каждым годом мне дороже,
Ты с каждым годом мне родней,
Ты никогда понять не сможешь
Любви безвыходной моей.
Ты не оценишь эту нежность,
Названия которой нет,
Всю обреченность, безнадежность
Моих однообразных лет,
Ты обрекла меня на муку,
Но буду славить вновь и вновь
Я нашу страшную разлуку,
Неразделенную любовь.

* * *

Всё те же убогие хаты,
И так же не станет иным
Легко уходящий в закаты
Над хатами розовый дым.
Как раньше — при нашем отъезде —

Всё так же в российской ночи
Мерцают полярных созвездий
В снегах голубые лучи.
И с детства знакомые ёлки
Темнеют в промерзлом окне,
И детям мерещатся волки,
Как раньше мерещились мне.
Покою никто не нарушит
В снегах погребенном краю,
И сонные детские души
Ночуют у Бога в раю.

* * *

Сердце сердцу весть подаёт,
Глупое сердце всё еще ждёт,
Всё еще верит в верность твою,
В какую-то нежность в далеком краю;
Всё о тебе сердцу хочется петь, -
Бедное сердце не хочет стареть.

* * *

Возвращается ветер на круги свои,
Повторяются дни и мои, и твои,
Повторяется всё — только наша любовь
Никогда не повторится вновь.

* * *

О, как нам этой жизни мало,
Как быстро катятся года.
Еще одна звезда упала,
Сияв над нами, отсняла -
Не засияет никогда.
Но береги наш дар случайный,
Идя с другим на брачный пир, -
Возвышенный, необычайный,
Почти неосязаемый, тайный —
Лишь нам двоим доступный мир.

Обложка журнала Общеказабчей студенческой станицы
(г. Париж, Франция). 1939 г.

Экземпляр

Ф.И. Шовгалева.

КРУЖОКЪ КАЗАКОВЪ ЛИТЕРАТОРОВЪ

СБОРНИКЪ II - 12

Май - Июнь 1946

Из собранію 29 Іюня въ три часа у

Н.Н.Туровѣрова

Годовой опытъ критики анонимныхъ стиховъ можно посчитать законченнымъ. Для очередного разбора стихи даются за подписями ихъ авторовъ.

Обложка сборника №11-12 «Кружка казаков-литераторов»
(г. Париж, Франция). 1946 г.

Николай ТУРОВЕРОВЪ

С Т И Х И

книга четвертая

ПАРИЖЪ.

1942

К Музе

Какой мой долг перед тобой, когда
Не год, не два, а долгие года,
С рождения, быть может, мы с тобой
Обручены таинственной судьбой.
Как не любить друг друга нам, когда
Не виделись с тобой мы никогда.
Ах, не любовь! Тому названья нет,
Что оставляет свой бессмертный след,
Что раз найдя, мы жадно ищем вновь:
Животворящее дыхание стихов.
1941

* * *

Жизнь не проста и не легка.
За спицею мелькает спица.
Уйти б на юг, и в казака
По-настоящему влюбиться.
Довольно ждать, довольно лгать,
Играть самой с собою в прятки.
Нет, не уйти, а убежать,
Без сожалений и оглядки,
Туда, где весело живут,
Туда, где вольные станицы,
И где не вяжут и не ткут
Своих нарядов молодежи;
Где все умеют пить и петь,
Где муж с женой пирует вместе,
Но туго скрученная плетъ
Висит на самом видном месте.
Ах, Дон, Кубань - Тмутаракань!
А я в снегах здесь погибаю.
Вот Лермонтов воспел Тамань,
А я читаю и мечтаю,
И никуда не убегу...
Твердя стихи о Диком Поле,
Что знаю я и что могу,
Живя с рождения в неволе.
И мой недолгий век пройдет
В напрасном ожиданьи чуда, -
Московский снег, московский лед
Меня не выпустят отсюда.
1940

Гоголь

Наташе Тuroверовой

Поднимал всё выше ты и выше
Свой бунчук, зовя ко мне мальчат -
Однолеток, уличных мальчишек,
Жаждающих сражений казачат.
И в наш сад за низкую ограду
Уводил меня ты и гостей
На кровопролитную осаду
Неприступных польских крепостей.
Снежный прах летел в саду над нами,
Мы дрались из последних сил.
Детскими моими снами
Ты легко потом руководил.
По ночам внезапно страшный запах
Гари наполнял наш дом,
И меня — наследника Остапа,
Распинали ляхи над костром;
Но еще не мог в страданьи диком,
Как Остап, терпеть я до конца,
И будил своим постыдным криком
Безмятежно спящего отца.
Кончились мальчишеские драки,
Ты подвел немедля мне коня:
С казаками в конные атаки
Бросил, не задумавшись, меня.
Полюбить заставил бездорожье,
Полюбить заставил навсегда
Новое донское Запорожье,
Юность опалившие года,
Мне до смерти памятные грозы.
Позже, в Севастопольском порту,
Ты сурово вытер мои слёзы
И со мной простился на борту
Корабля, плывущего в изгнание,
Корабля, плывущего на юг.
Ты мне подарил воспоминанье,
С детства неразлучный друг,
Память подарил такую,
Без которой невозможно жить.
По тебе я всё еще тоскую,
Не могу тоску свою запить,
Не могу никак утомониться
И поверить просто, без обид,
Что любая маленькая птица
Через Днепр легко перелетит.
1939

1914 год

Казаков казачки проводили,
Казаки простились с Тихим Доном.
Разве мы - их дети — позабыли,

Как гудел набат тревожным звоном ?
Казаки скакали, тесно стремя
Прижимая к стремени соседа.
Разве не казалась в это время
Неизбежной близкая победа?
О, незабываемое лето!
Разве не тюрьмой была станица
Для меня и бедных малолеток,
Опоздавших вовремя родиться?
1939

Крым

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня,
Я с кормы всё время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Всё не веря, всё не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою.
Конь всё плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо,
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.

* * *

Богородице молилася —
Вся слезами изошла,
Головой о стенку билася —
К колдуну в аул пошла.
Замерзала за станицею,
Погибала на пути...
Обернись, желанный, птицею -
Над станицей пролети,
Опустись на подоконнике
И в окошко постучи,
Не на крыльях - так на конике,
Снег взметая, прискачи.
Пролетают низко голуби,
Не летит мой голубок...
Под горою в новой проруби
Терек тёмен и глубок.

1940

Азов

Эту землю снова и снова
Поливала горячая кровь.
Ты стояла на башнях Азова
Меж встречающих смерть казаков.
И на ранней росе, средь тумана,
Как молитва, звучали слова:
За Христа, за Святого Ивана,
За казачий Престол Покрова,
За свободу родную, за ветер,
За простую степную любовь,
И за всех православных на свете,
И за свой прародительский кров.
Не смолкало церковное пенье,
Бушевал за стеною пожар,
Со стены ты кидала каменья
В недалеких уже янычар,
И хлестала кипящей смолою,
Обжигаясь сама, и крича...
Дикий ветер гулял над тобою
И по-братски касался плеча:
За Святого Ивана, за волю,
За казачью любовь навсегда!..
Отступала, бежала по полю
И тонула на взморье Орда.
Точно пьяная, ты оглянулась —
Твой сосед был уродлив и груб,
Но ты смело губами коснулась
Его черных запекшихся губ.
1940

Сечь

*Украина плачет.
Тарас Шевченко*

Трещат жидовские шинки.
Гуляет Сечь. Держитесь, ляхи!
Сегодня-завтра казаки
Пропьют последние рубахи.
Кто на Сечи теперь не пьян,
Но кто посмеет пьяных трогать?

Свой лучший выпачкал жупан
Сам атаман в колёсный дёготь.
Хмельней вино для казака,
Когда близка его дорога,
И смерть для каждого легка
Во имя вольности и Бога.
В поход, в поход! Гуляет голь,
Гуляют старые старшины.
В поход — за слёзы и за боль
Порабощенной Украины.
За честь поруганной страны
Любой казак умрет, как витязь.
Ясновельможные паны,
Готовьтесь к бою — и держитесь!
1941

Поход

Н.Н.Евсееву

Как в страшное время Батия,
Опять породнимся с огнём.
Но, войско, тебе не впервые
Прощаться с родным куренём!
Не дрогнув, станицы разрушить,
Разрушить станицы и сжечь;
Нам надо лишь вольные души,
Лишь сердце казачье сберечь;
Еще уцелевшие силы -
Живых казаков сохранять,
Не дрогнув, родные могилы
С родною землею сравнять.
Не здесь - на станичном погосте,
Под мирною сенью крестов,
Лежат драгоценные кости
Погибших в боях казаков;
Не здесь сохранялись святыни -
Святыни хранились вдали:
Пучок ковыля да полыни,
Щепотка казачьей земли.
Всё бросить, лишь взять молодаек.
Идем в азиатский пустырь —
За Волгу, за Волгу — на Яик,
И дальше, потом — на Сибирь.
Нет сёдел - садитесь охлюпкой,
Дорогою сёдла найдём.
Тебе ли, родная голубка,
Впервые справляться с конем?
Тебе ли, казачка, тебе ли
Душою смущаться в огне?

Качала дитя в колыбели,
Теперь - покачай на коне!
За Волгу, за Волгу — к просторам
Почти неоткрытых земель.
Горами, пустынями, бором,
Сквозь бури, и зной, и метель
Дойдем, не считая потери,
На третий ли, пятый ли год.
Не будем мы временем мерить
Последний казачий исход.
Дойдем! Семиречье, Трехречье —
Истоки неведомых рек...
Расправя широкие плечи,
Берись за топор, дровосек;
За плуг и за косы беритесь,
Кохайте и ширьте поля,
С молитвой трудитесь, крепитесь,
Не даром дается земля —
Высокая милость Господня,
Казачий престол Покрова;
Заступник Никола-Угодник
Услышит казачьи слова.
Не даром то время настанет,
Когда, соберясь у реки,
На новом станичном майдане
Опять зашумят казаки.
И мельницы встанут над яром,
И лодки в реке заснут -
Не даром дается, не даром,
Привычный станичный уют.
Растите, мужайте, станицы,
Старинною песней звеня,
Веди казаку, молодица,
Для новых походов коня,
Для новых набегов в пустыне,
В глухой азиатской дали...
О, горечь задонской полыни,
Щепотка казачьей земли!
Иль сердце мое расколосось?
Нет — сердце стучит и стучит.
Отчизна, не твой ли я голос
Услышал в парижской ночи?
1939

* * *

Куда ни посмотришь — всё наше.
На мельницу едет казак,
И весело крыльями машет
Ему за станицей ветряк.
Ах, ветер осенний, подуи-ка,
Над голою степью поплачь!
Стекает пшеничная струйка
Под жернов. Горячий калач

Потом испечет молодайка:
«А ну-ка скорей, детвора!».
И легкая детская стайка
Влетит, щебеча, со двора.
Вкуснее всего не горбушка,
А нижний хрустящий запёк;
Его завоюет Петрушка,
Любимый отцовский сынок.
Поспорят, повздорят немножко,
И снова на воздух, к полям.
Достанется хлебная крошка
Голодным друзьям-воробьям.
1941

Родина

1

П.В.Гусеву

Она придет - жестокая расплата
За праздность наших европейских лет.
И не проси пощады у возврата —
Забывшим родину - пощады нет!
Пощады нет тому, кто для забавы
Иль мести собирается туда,
Где призрак возрождающейся славы
Потребует и крови, и труда,
Потребует любви, самозабвенья
Для родины и смерти для врага;
Не для прогулки, не для наслажденья
Нас ждут к себе родные берега.
Прощайся же с Европою, прощайся!
Похорони бесплодные года;
Но к русской нежности вернуться не пытайся,
Бояся смерти, крови и труда.
1941

2

О, этот вид родительского крова!
Заросший двор. Поваленный плетень.
Но помогать я никого чужого
Не позову в разрушенный курень.
Не перед кем не стану на колени
Для блага мимолётных дней, -
Боюсь суда грядущих поколений,
Боюсь суда и совести моей.
Над нами Бог. Ему подвластно время.
Мою тоску, и веру, и любовь
Еще припомнит молодое племя
Немногих уцелевших казаков.
1941

3

Пусть жизнь у каждого своя,
Но нас роднит одна дорога.
В твои края, в мои края
Она ведет во имя Бога,
Во имя дедов и отцов,
И нашей юности во имя.
Мы повторяем вновь и вновь
Сияющее, как любовь,
Незабываемое имя
Страны, вскормившей нас с тобой,
Страны, навеки нам родной.
В холодном сумраке Европы
Мы жадно ищем наши тропы
Возврата к ней — и только к ней, -
Единственной в чужом нам мире:
К родным полям твоей Сибири,
К родным ветрам моих степей.

1941

4

Так кто же я? Счастливый странник,
Хранимый Господом певец,
Иль чернью проклятый изгнанник,
Свой край покинувший беглец?
И почему мне нет иного
Пути средь множества путей,
И нет на свете лучше слова,
Чем имя родины моей?
Так что же мне? Почет иль плаха,
И чей-то запоздалый плач,
Когда в толпу швырнет с размаха
Вот эту голову палач.
Ах, всё равно! Над новой кровью
Кружиться станет вороньё,
Но с прежней верой и любовью
Приду я в царствие Твоё.

1941

5

Не всё, не всё проходит в жизни мимо.
Окончилась беспечная пора.
Опять в степи вдыхаю запах дыма,
Ночуя у случайного костра.
Не в сновиденьях, нет - теперь воочью,
В родном краю курганов и ветров,
Наедине с моей осенней ночью
Я всё приял, и я на всё готов.
Но голос прошлого на родине невнятен,
Родимый край от многого отвык,
И собеседнику обидно непонятен
Мой слишком русский, правильный язык.
Чужой, чужой, - почти что иностранец,
Мечтающий о благостном конце;

И от костра пылающий румянец
Не возвратит румянца на лице.

1941

6

Мне приснилось побережье,
Лёд и снег на берегу,
Одинокий след медвежий
На нетронутом снегу,
Неживое колыханье
Ледяных тяжелых вод,
И полярного сиянья
Разноцветный небосвод.
О, как холодно сияла
Надо мною вышина,
О, как сердце мне сжимала
Ледяная тишина.
И, лишенный дара речи,
На снегу я начертал:
Здесь искал с тобою встречи
Тот, кто встречу обещал.

1940

7

Который день печальный снег кружится,
Уже не дни, а, кажется, года
Погребены в снегу - и никогда
Над нами этот снег не прекратится.
Века, века погребены в снегах,
Столетние сугробы на пороге,
В курной избе Владимир Мономах
Всё ждет на юг накатанной дороги,
И вместе с ним потомки Калиты
Конца зимы веками ожидают.
А снег идет. Морозные цветы
Пышнее на окошках расцветают.
А снег идет. Мороз звенит, как медь.
Какие там удобные дороги!
Столетиями Россия, как медведь,
Лежит в своей нетронутой берлоге.

1942

8

Я только зовам сердца внемлю
И не кляню свою судьбу.
Господь пошлет — родную землю
Еще почувствую в гробу.
Из камня дикого ограда
И всем ветрам доступный крест -
Какой еще награды надо
Для уроженца здешних мест:
Тому, кто с юных лет по миру
Пошел бродить, всё пережил,
Всё отдал жизни, только лиру
Свою до гроба сохранил.
Её загробный звук, быть может,

Встревожит чьи-нибудь сердца,
И у креста пастух положит
Пучок сухого чабреца.

1940

II

Погост

Марии Волковой

1

Своей судьбе всегда покорный,
Я, даже в дни жестоких бед,
Не мог в стихах прославить чёрный,
Любимый твой, - печальный цвет.
В часы бессмысленных крушений
Моих стремительных надежд,
Меня не раз пугали тени
И шорох траурных одежд;
Я ждал визита черной гостьи,
Сгущалась тьма вокруг меня,
Во тьме мерцали чьи-то кости
Мерцаньем адского огня, —
Но снова музыки голос милый
Меня из мрака вызывал,
Провал зияющей могилы
Травой снова заростал,
И, зову нежному подвластный,
Я славил вновь сиянье звёзд,
И светлый день, и вечер ясный,
И зеленеющий погост.

1939

2

Ужели у края могилы
Познаю в предсмертной тиши
Всю немощь растроченной силы,
Холодную праздность души?
Ужели у самого гроба
Расплатою прожитых дней
Мне будет унылая злоба
На этих живущих людей,
На краткое счастье земное,
На это, когда-то моё,
Веселое и молодое,
Чужое теперь, бытиё?
О, нет! И в последние годы
Развею кошунственный страх
Пред вечным сиянием природы,
Меня обращающей в прах.

1942

3

Нет, - никто еще так не любил,
Никому еще так не казалась
Жизнерадостна зелень могил,
Мимолётна земная усталость.
Ты вернулась опять, и опять
Засияла звезда у предела.
Я не знаю, куда мне девать
Это счастье и что мне с ним делать.
1939

Жалость

Евгении де Жерве

1

О, моя стихотворная шалость —
Шаловливая легкость пера!
Но зачем эта терпкая жалость
Так настойчива и так остра?
О, моя благосклонная сила —
Первобытная к людям любовь!
Но зачем голубые чернила
Превращаются в черную кровь?
Почему я не сплю до рассвета,
Почему не пишу по ночам?
Или страшное бремя поэта
Стало вдруг не по этим плечам?
1940

2

Всё сегодня не то, всё иначе.
Стал пушистым мой старенький мех.
Поняла, наконец, я, что значит
Над Парижем порхающий снег.
Поняла, наконец, догадалась,
Почему я с утра не своя —
Мне дороже любви эта жалость,
Неподдельная нежность твоя.
1940

Добыча

1

Средь скуки холодных приличий,
Назло благосклонной судьбе,
Я жадно мечтал о добыче,
Как варвар, мечтал о тебе.
Шатер да звериные шкуры,

На шкурах с плодами поднос,
Сиянье твоих белокурых
Тяжелых и длинных волос,
Покорно упавших на плечи,
Упавших на руки мои;
Умолкнут невнятные речи,
Ненужные речи твои.
Но завтра, кляня эту долю,
Кого ты из нас проклянешь?
В кого, вырываясь на волю,
Вонзишь подвернувшийся нож?
1941

2

Нам этой ночи было мало.
И с каждым часом всё жадней
Меня ты снова целовала,
Искала жадности моей.
Едва на миг во мраке душном
Мы забывались полусном,
Как вновь я был твоим послушным
И верноподданным рабом.
И только утром, на прощанье,
Я, как прозревший, в первый раз
Увидел синее сиянье
Твоих всегда невинных глаз.
1941

3

Ты мне дана, как Божий дар,
Ты мне дана, как вдохновенье,
Как ворожба, как наслажденья
Испепеляющий пожар.
И я опять легко пою
И не ищу в плену обаятий,
Благословений и проклятий
На долю светлую свою.
1941

* * *

*Стихом размеренным
и словом ледяным
Лермонтов*

Ты пришла к моей избушке,
Постучалась у дверей,
Увела меня с пирушки,
Отняла моих друзей;
Простодушный нрав молодки
Больше знать мне не дано, —

Поднесла ты вместо водки
Иноземное вино.
И я выпил это зелье,
Осушил стакан до дна,
Мне досталась на похмелье
Гробовая тишина...
Но твое не властно пенье
Отогнуть земные сны,
Голубое дуновение
Расцветающей весны,
И средь мрака гробового
Не внушает больше страх
Заклинающее слово
В этих ангельских устах.
1940

* * *

С каждым годом всё лучше и лучше
Эти ночи весною без сна,
С каждым годом настойчивей учит
Непонятному счастью весна.
Всё скупее, вернее и проще
Нахожу для стихов я слова;
Веселее зеленые рощи,
Зеленее за ними трава,
Голубее высокое небо, -
Всё короче положенный срок.
О, как вкусен насущного хлеба
С каждым годом все худший кусок.
1939

*Благословен час, когда
мы встречаем поэта.*

Пушкин

Брат дервиша и пророка,
Да хранит тебя Аллах,
К нам пришедший одиноко,
С вещим словом на устах.
Одинок в своем ты счастье —
И в несчастье ты один,
Целый мир тебе подвластен,
Одинокий властелин;
Целый мир твое жилище,
Но влечет тебя Кавказ —
Сердце знает, сердце ищет,
Сердце любит только раз.
Жизнь всё лучше, всё короче.
Для неожиданного конца
Бережет судьба кусочек

Смертоносного свинца.
Но сегодня в дымной сакле
Беззаботен твой привал.
Ночевать в горах не так ли
Ты на севере мечтал?
Мы простимся на рассвете,
Поклонюсь тебе я вслед -
Счастлив тот, кого ты встретил,
Кто узнал тебя, поэт.

1939

Божий мир

1

Еще твой мир и мудр, и прост,
Еще легко его дыханье;
Вечерних зорь, полнощных звёзд
Еще незыблемо сиянье;
Еще сменяет ночь рассвет,
Полдневный свет еще ликует
И слово краткое — поэт —
Тебя по-старому волнует.
А ты, как Божий мир проста,
А ты ясна, как песни эти.
Ах, без любви, как без креста,
Нельзя прожить на этом свете.

1939

2

Каждый раз, в один и тот же час,
На мосту, среди моей дороги
Я встречаю траурные дроги.
Спотыкаясь, конь едва бредет,
И никто за гробом не идет.
Над рекой туманится рассвет.
Я спешу... Мне тоже дела нет
До того, кто в нищенском гробу
Без креста, без венчика на лбу
Одиноко едет на погост.
Божий мир и благостен, и прост,
И без нас Господь благословил
Свежий прах безыменных могил.

1940

Пилигрим

1

Постучится в эти двери нищета,
С нищетою постучится доброта,
Две сестры - два Божьих близнеца -
Будут ждать тебя у этого крыльца.
Всё, что было раньше — позабуди!
Собирайся же в последний путь,
Выходи, не опасаясь, на крыльцо:
Знают две сестры тебя в лицо.
Даст тебе свой посох доброта,
И суму наденет нищета.
Выведут к просторам всех дорог
И, прощаясь, скажут: «Ты убог,
Но теперь ты Господом храним,
Лишь Ему подвластный пилигрим».

1941

2

Мне сам Господь налил чернила
И приказал стихи писать.
Я славил всё, что сердцу мило,
Я не боялся умирать,
Любить и верить не боялся,
И все настойчивей влюблялся
В своё земное бытие.
О, счастье верное моё!
Равно мне дорог пир и тризна, -
Весь Божий мир — моя отчизна!
Но просветленная любовь
К земле досталась мне не даром -
Господь разрушил отчий кров,
Испепелил мой край пожаром,
Увел на смерть отца и мать,
Не указав мне их могилы,
Заставил всё перестрадать,
И вот, мои проверя силы,
Сказал: «Иди сквозь гарь и дым;
Сквозь кровь, сквозь муки и страданья,
Навек бездомный пилигрим,
В свои далекие скитанья,
Иди, мой верный раб, и пой
О Божьей власти над тобой».

1940

* * *

И придет внезапно срок
(Слишком рано, слишком рано),
Ты получишь от султана
Тонкий шелковый шнурок.
Вещи проще, чем слова:

Ах, как жизни будет жалко!
Эрзерумская гадалка
Оказалась права,
Вещий дар не обманул,
Зря над ним ты поглумился,
Прискакать поторопился
С вестью радостной в Стамбул.
Оказалась ложной весть,
Поражением — победа;
Должен был ты всё разведать,
Всё узнать и всё учесть.
Твой судья теперь Аллах!
И без робости, без страха
Посмотри на падишаха,
Встав на звонких стременах;
Посмотри в последний раз
На окно Ильдиз-киоска,
На лицо желтее воска,
На печаль усталых глаз.
1940

Чеченская песня

Александру Туроверову

Просохнет земля на могиле моей,
И слёзы у матери станут скупей,
А горе твое, престарелый отец,
Заглушит над гробом растущий чабрец;
Как вешнего снега, недолга пора
Печали твоей, дорогая сестра.
Но ты не забудешь чеченскую честь,
Мой старший возлюбленный брат,
Меня не забудешь - кровавую месть
Тебе завещает адат;
Меня не забудет и братец второй,
Пока сам не ляжет со мной.
Горячая пуля меня уведет, —
Но пулям своим потерял я учёт,
Земля мой последний покроет привал, —
Но вволю ее я конем истоптал,
Холодная смерть, породнюсь я с тобой, -
Но в жизни была ты моею рабой.
1942

Амулет

Д.И. Ознобишину

Во сто крат дороже злата,

Драгоценней чем алмаз,
Мне подаренный когда-то,
Мной испытанный не раз
В дни тяжелого сомненья
Этот маленький - с вершок -
Трехсотлетнего женишья
Желтоватый корешок;
Тайной властью талисмана,
Колдовством подземных сил
От измены и обмана
Не меня ли оградил?
Заменил мне все богатства,
Указал в ночи порог,
От притворства, от коварства
И от злобы оберёг;
На путях моих скитаний,
В жизни мирной и в боях,
Он подсказывал заранее
Кто мне друг и кто мне враг,
И, ведя в объятья к другу
На пирушку у огня,
Мимолетную подругу
Делал музой для меня.
1941

III

Прованс

1

Calo-te, moun cor, calo-te!
Mistral

Успокойся, сердце, успокойся!
В авиньонской католической ночи
Русскою тоской не беспокойся,
Не стучи так громко, не стучи.
Я живу среди солдат без дела,
Ошалев от скуки и вина.
Вот уже и третья отшумела
Для меня несчастная война.
Все мы люди, все мы человеки:
Смерть придет — спеши иль не спеши,
Но зачем же мне дано навеки
Это странное волнение души,
Это непонятное волненье
На прохладных ронских берегах, —
Всё еще прерывистое пенье
В только что написанных стихах.
1940

*La term maire, la Naturo,
Nourris toujours sa pourtaduro
Dou mem la.*

Mistral

Меня с тобой земля вскормила
Одним и тем же молоком,
И мне близка твоя могила,
Твой мирный провансальский дом.
Шумят оливковые рощи,
И Рона быстрая шумит;
Учись писать, как можно проще, -
Твоя земля мне говорит.
И ветер твой — рукой поэта —
Так нежно гладит по лицу.
Вот и мое подходит лето
Уже к законному концу.
Не всё еще вокруг угасло
Для жизни бурной, но пора
Твое оливковое масло
Собрать для Божьего двора.
1940

Легион

*Au paradis où vont les hommes forts
par le désert d'un long courage.*

Arthur Nicolet

1

Ты получишь обломок браслета.
Не грусти о жестокой судьбе,
Ты получишь подарок поэта,
Мой последний подарок тебе.
Дней на десять я стану всем ближе.
Моего не припомня лица,
Кто-то скажет в далеком Париже,
Что не ждал он такого конца.
Ты ж, в вещах моих скомканных роясь,
Сохрани, как несбывшийся сон,
Мой кавказский серебряный пояс
И в боях потемневший погон.

2

Всегда ожидаю удачи —
В висок, непременно — в висок!
С коня упаду на горячий
Триполитанский песок.
Не даром, не даром всё время
Судьба улыбалась мне:
В ногу не запуталось стремя, -
Сумел умереть на коне.

3

Конским потом пропахла попона.
О, как крепок под нею мой сон.
Говорят, что теперь вне закона
Иностранный наш легион.
На земле, на песке, как собака,
Я случайному отдыху рад.
В лиловатом дыму бивуака
Африканский оливковый сад.
А за садом, в шатре, трехбунчужный,
С детских лет никуда не спеша,
Весь в шелках, бирюзовый, жемчужный,
Изучает Шанфара паша.
Что ему европейские сроки
И мой дважды потерянный кров?
Только строки, арабские строки
Тысячелетних стихов.

4

Андрею Грекову

Нам с тобой одна и та же вера
Указала дальние пути.
Одинаковый значок легионера
На твоей и на моей груди.
Всё равно, куда судьба не кинет,
Нам до гроба будет сниться сон:
В розоватом мареве пустыни
Под ружьем стоящий легион.

5

Она стояла у колодца,
Смотрела молча на меня,
Ждала, пока мой конь напьется,
Потом погладила коня,
Дала ему каких-то зерен
(Я видел только блеск колец),
И стал послушен и покорен
Мой варварийский жеребец.
Что мне до этой бедуинки,
Ее пустынной красоты?
Она дала мне из корзинки
Понюхать смятые цветы.
О, этот жест простой и ловкий!

Я помню горечь на устах,
Да синеву татуировки
На темно-бронзовых ногах.

6

Не в разукрашенных шатрах
Меня привел к тебе Аллах,
Не с изумрудами поднос
Тебе в подарок я принес,
И не ковры, и не шелка
Твоя погладила рука,
Когда в пустыне, на ветру,
Ты предо мной сняла чадру.
На свете не было людей
Меня бездомней и бедней.
Солдатский плащ — вот всё, что смог
Я положить тебе у ног.

7

Над полумесяцем сияла
Магометанская звезда.
Ты этим вечером плясала,
Как не плясала никогда;
Красою дикою блистая,
Моими бусами звеня,
Кружилась ты полунагая
И не глядела на меня.
А я всё ждал. Пустая фляга
Давно валялась у костра.
Смотри, испытанный бродяга,
Не затянулась ли игра?
Смотри, поэт, пока есть время,
Не жди бесславного конца.
Араб покорно держит стремя -
Садись скорей на жеребца.

8

Вся в кольцах, в подвесках, запястьях,
Под сенью шатра, на песке,
Что ты мне щебечешь о счастье
На птичьем своем языке?
Как всё здесь по-Божески просто:
Три пальмы в закатном огне
И берберийский подросток,
В Европе приснившийся мне.

9

Звенит надо мною цикада -
Веселый арабский фурзит:
«Под сенью тунисского сада
Тебе ничего не грозит.
Какая война угрожает
Покою столетних олив?».